

СЕЛИНА КАТРИН

**ГЕНЕТИКА
ЛЮБВИ**

Федерация Объединённых Миров

Селина Катрин
Генетика любви

«Автор»

2026

Катрин С.

Генетика любви / С. Катрин — «Автор», 2026 — (Федерация
Объединённых Миров)

Ориелла — замужняя дама с двумя детьми, которая давно мечтает о разводе, вот только на планете Цварг их официально не существует. Жизнь Ориеллы переворачивается вверх дном, когда на её пути встречается привлекательный профессор генетики. Себастьян Касс изучает проблему рождаемости у расы и находится в поисках молодой невесты. Почему же он так добивается развода для Ориеллы?

© Катрин С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. «Дети скрепляют брак»	5
Глава 2. Свидание вслепую	12
Глава 3. Любовь и ненависть	17
Глава 4. Встреча у озера	22
Глава 5. Профессор	31
Глава 6. Дети и жуки	39
Глава 7. Несчастный случай	43
Глава 8. Кассы	51
Глава 9. Дружеский з	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Селина Катрин

Генетика любви

Глава 1. «Дети скрепляют брак»

Орианн Мэрриш

– Ты только взгляни! Ни стыда ни совести! Что за молодёжь пошла!

Я с тихим вздохом посмотрела туда, куда указывал супруг: молодой подтянутый цварг приятной наружности запарковал спортивный лимонный кабрио-флаер прямо на газоне и лихо выпрыгнул из него, перемахнув через переднюю дверцу. Высокий, кареглазый, с задиристой улыбкой и короткими чёрно-коричневыми рожками, берущими начало в кудрявой шатенистой шевелюре. На незнакомце была надета облегающая майка без рукавов, подчёркивающая рельефные светло-лиловые руки и не менее прокачанный верх спины.

Разумеется, я знала, что именно возмутило моего мужа: и увы, это была не парковка в неположенном месте.

– Пф-ф-ф, можно подумать, он надорвется, если напялит приличный пиджак или толстовку, – продолжал брюзжать супруг. – Ужас какой! Вот как ему не стыдно ходить с таким цветом кожи? Светло-лиловый! Ещё бы транспарант на себя повесил: «Я – полукровка!»

«Мы не выбираем, кем рождаться. Нельзя осуждать гуманоидов за то, кем они пришли в этот мир, только за то – кем стали».

– Морис, но ведь сегодня очень жарко. Он оделся по погоде.

Я мудро умолчала о том, что сама по просьбе мужа надела двуслойный тёплый шарф, из-за которого теперь нещадно потела, но Морис утверждал, что так я выгляжу солидно и под стать положению замужней цваргини с двумя детьми.

– И что? Срамоту-то надо прикрывать! Нашёл что на себя одеть! Неужели воспитание настолько скудное, что мальчишка не знает, что вот так продемонстрировать светлую кожу неприлично?!

«Не “одеть”, а “надеть”. Лучше бы собственным образованием занялся...» – подумала я и тут же себя с горечью одёрнула. К сожалению, на этой планете нельзя даже просто думать то, что хочется.

– Ориэлла. – Морис поморщился так, будто ему под нос сунули тухлую рыбу. – Я же говорил тебе так не делать, тем более в городской черте! Тебя же учили в этой... как её там... школе для леди, как блокировать неприятные мысли. Сделай что-нибудь! Это, в конце концов, неприлично! Ты пахнешь!

– Извини.

«Вдох-выдох. Надо успокоиться».

Мы и правда на публике, нельзя так выдавать эмоции в ментальный фон... Тем более Морис – цварг со средними способностями, а каково вон тому мужчине в деловом костюме с мощными витыми рогами-резонаторами, который изо всех сил вежливо старается не оглядываться?

У меня ушла почти минута, чтобы очистить голову от негативных эмоций и улыбнуться. Как и всегда, мысли о Лансе и Лотте согрели.

– Ну вот и отличненько, теперь постарайся держать себя в руках всё время, что мы будем в банке! – важно заявил Морис и потеревил единственную пуговицу пиджака на объёмном пузе. В последний год он так растолстел, что никакие другие модели на нём не сходились. – Как я выгляжу?

Я взглянула на Мориса и механически поправила шёлковый галстук, чуть-чуть его ослабив, чтобы собравшаяся на шее кожа не смотрелась двойным подбородком.

«Всё верно, так должна поступать любящая жена, Орианн: заботиться о здоровом ментальном фоне и одежде мужа, готовить еду, убирать дом, – мысленно сказала самой себе. – Ты сама вышла замуж за этого цварга, никто тебя не заставлял. Теперь у вас дети, так что будь добра, исполняй долг заботливой жены».

Мы поднялись по белоснежной центральной лестнице сверкающего здания с полупрозрачной крышей и множеством сделанных будто из хрусталя колонн. Когда я впервые увидела это место, спросила: «Это дворец?»

«Нет, глупенькая, это Первый Центральный Банк Цварга», – снисходительно ответил супруг, поправил мою ладонь на своём локте и принялся величественно подниматься по ступеням. Я же смотрела во все глаза на потрясающую архитектуру и ничего не могла с собой поделать – от поглотившего восторга запиналась каждые два или три шага.

Сейчас я готова была вспорхнуть по ступеням как птичка, но Мориса мучила одышка, на висках выступили здоровенные капли пота.

– Погоди-погоди, Ориелла, – бормотал он. – Не выставляй меня в дурном свете. Какой недоразвитый малый проектировал это здание? Неужели нельзя было построить здесь лифт?!

«Это всего лишь лестница, Морис, и она совсем не большая. Два пролёта. Я говорила, что столько жирного не переварить даже чистокровному цваргу, рано или поздно начнёт скапливаться на здоровье».

– Здравствуйте. Чем Первый Банк Цварга может вам помочь? Вы уже являетесь нашими клиентами или только хотите открыть счёт? – Голос менеджера заставил сосредоточить внимание на нём.

Очевидно, сотрудник был новым, раз ещё не знал нас в лицо.

– Мы хотели бы распорядиться ежемесячной дотацией от правительства на детей. – Морис гордо приосанился и выдал стандартную, до крайности неприличную, но почему-то считающуюся им глубоко интеллектуальной шутку: – Я заделал ей двойню с первого раза. Аппарат Управления Планетой официально признал, что у меня одни из лучших живчиков, и теперь платит за это.

Я вздрогнула на слове «заделал» и бросила на менеджера извиняющийся взгляд, он понимающе кивнул и вежливо улыбнулся. С точки зрения Цварга, беременность в течение года после свадьбы – это действительно «с первого раза».

– Так, господин... как к вам можно обращаться?

– Господин Морис Мэрриш, – важно кивнул супруг. – А это моя супруга, Ориелла Мэрриш.

Вообще-то Орианн. Морис украл не только мою фамилию, но и имя. Убедил, что имя звучит слишком по-эльтонийски, а так как со своей внешностью я могу претендовать на то, чтобы считаться чистокровной цваргиней, да и выхожу за него замуж, имеет смысл переделать имя и указать в новых документах более благозвучное и цваргское... Тогда я искренне думала, что он таким образом проявляет обо мне заботу.

– ...Нам полагается четыреста кредитов от АУЦ.

– Да-да, секунду, сейчас проверю по базе.

Менеджер провёл нас в индивидуальный кабинет-аквариум с прозрачными стенками и быстро набрал на клавиатуре нужный запрос. Пока он занимался работой, я рассматривала плитку на полу и клиентов в других кабинках. Мужчин, как обычно для Цварга, оказалось существенно больше, чем женщин, большинство надело лёгкие льняные костюмы или вовсе потёртые джинсы с футболками; цваргини предпочли яркие платья. Ни одна из них не стала повязывать на шею шарф или платок. Я с завистью посмотрела на молодую цваргиню в лёгком

клетчатом сарафане по колено. Её мужчина положил руку ей на талию и незаметно поглаживал спину, пока она шумно общалась с менеджером.

Какое же жаркое лето в этом году!

– Итак, господин Мэрриш, прежде чем переходить к вопросу о распределении ежемесячного родительского капитала, я вижу, что ваш предыдущий менеджер почему-то не заполнил поле работы. Подскажите, кем работает ваша супруга?

– Пф-ф-ф, никем, разумеется! Вы что, собираетесь унижить меня, будто я не могу содержать собственную семью?! Я буду жаловаться вашему руководству!

– Нет-нет-нет, вы не так поняли! – Сотрудник слегка побледнел. – Замужние цваргини имеют право заниматься всем, чем хотят... Многие начинают собственный бизнес, потому что им это нравится. Вас никто ни в коем случае не унижает... Это же просто анкета! Банк хочет знать максимально полную информацию о клиентах, вот и всё.

– Ах, ну если так... – Морис заметно расслабился. – Нет, Ориелла не работает. Она большую часть дня отдыхает.

«Только убираю, готовлю, глажу, стираю, заказываю еду и одежду, помогаю детям делать уроки, гуляю с ними и читаю сказки на ночь... Но да, денег в семью я не приношу», – горько подумала про себя.

Менеджер сделал пометку в компьютере.

– А вы кем работаете?

– Я – специалист по логистическим операциям.

– Простите... а какая фирма?

– Я работаю исключительно на себя.

– А, то есть вы консультируете малый бизнес, как правильно перевозить товар? Межпланетные перелёты?

– Не совсем, я работаю с людьми в рамках планеты...

Я тихо вздохнула, в тысячный раз слушая, как Морис иносказательно объясняет, чем занимается. С тех пор как у нас родились близнецы, он не менял профессию, но по необъяснимым для меня причинам стал её стыдиться. Статус отца настолько ударил ему в голову, что вдруг стало неловко произносить слово «шофёр». На Цварге царил настоящая катастрофа с рождаемостью и перекосом в сторону мужчин, но я и представить не могла, что Морис вдруг застесняется прежней двухкомнатной квартирki в городе, оформит неподъёмную ипотеку на трёхэтажное поместье в предгорье, начнёт покупать дорогостоящие костюмы и всячески делать вид, что мы баснословно богаты, когда это не так.

– Итак, когда с этим покончили, господин Мэрриш, как бы вы хотели распределить четыреста кредитов от государства? Я вижу, что вам в этом месяце надо внести ещё двести на дом, а также есть незакрытые кредиты в магазине элитных костюмов от Каррисона и частном ювелирном.

На последнем слове молодой цварг бросил на меня лукавый взгляд, очевидно предполагая, что господин Мэрриш решил побаловать жену подарком. Кисловатая горечь растеклась во рту. Банковский клерк даже представить себе не мог, что все счета из ювелирных за последние годы выставлялись исключительно за драгоценные запонки и ремешки к многочисленным мужским коммуникаторам.

Морис поморщился. Он явно не рассчитывал, что банк увидит ещё и эти долги.

– Хм-м-м, да, переведите всё на ипотеку и в магазины, а остаток я бы хотел, чтобы вы внесли на счёт кейтеринговой компании. Вот реквизиты. – Он порылся в кармане, вынул кожаную визитницу и протянул визитку.

– Всю сумму? Получается восемьдесят шесть кредитов, – по-деловому уточнил консультант.

– Да, все восемьдесят шесть кредитов, – уверенно кивнул Морис. Празднование восьмилетия мальчишек на пленэре на широкую ногу стало его следующей навязчивой идеей.

«Он очередной раз решил спустить деньги на свои желания».

Я протестующе дотронулась до рукава супруга.

– Госпожа Мэрриш, у вас есть какие-то возражения? – Банковский служащий оказался внимательнее мужа.

Морис нахмурился и раздражающе похлопал меня по руке:

– Ну что же ты, дорогая, мы всё обсудили. Послезавтра день рождения близнецов. Неужели ты не хочешь, чтобы их праздник был хорошим?

«В том-то и дело, что я хочу. Хочу видеть искренние улыбки Ланса и Лотта, когда они получают желанные игрушки, воздушные шары и торт в виде истребителя. Хочу, чтобы их день им запомнился как лучший в году благодаря весёлым играм с ровесниками, а не толпу твоих франтов-приятелей, которые будут есть мидии и пить шампанское за наш счёт и наверняка даже забудут принести детям подарки».

– Возможно, не стоит спускать все деньги на кейтеринговую компанию.

– И что же ты предлагаешь? – Муж нахмурился ещё сильнее. – Я же не могу тебе позволить провести у плиты весь день.

«Действительно, кто же тогда будет поддерживать чистоту в трёхэтажном поместье и перестилать постельное бельё для неожиданных гостей?»

За годы брака Морис всегда обесценивал всё, что я делала. Он умудрялся выворачивать наизнанку ситуации так виртуозно, что долгое время я верила, что ведение хозяйства и воспитание детей не являются работой. Обязанностью женщины – да, работой – нет. Когда же я уставала так, что сбивалась с ног и мечтала о сне, Морис говорил что-то наподобие: «Я же не могу тебе позволить провести у плиты весь день» – и обязательно добавлял, какой он замечательный супруг, который зарабатывает кредиты ради блага семьи. После его утешений всегда становилось стыдно, что я испытываю усталость от своей не-работы.

– Вообще-то я имела в виду, что Ланс и Лотт наверняка обрадуются больше, если мы пригласим их друзей из школы.

– Вот пускай друзья и поздравят в школе. – Супруг сделал ударение на последнем слове, тем самым пытаясь прекратить спор. Но внезапно я упёрлась.

– Я не думаю, что мальчики хотят видеть на свой день рождения незнакомых взрослых.

– Зато их хочу видеть **я**. – Тон Мориса показывал, что он ощутимо разозлился, но из последних сил старается сдерживать себя в присутствии постороннего. – **Я** отец семейства и раз в год могу позволить себе такой праздник. Я зарабатываю деньги в этой семье, и потому я решаю, как их потратить. Всё! Ориелла, не спорь со мной, пожалуйста. Я много раз просил тебя все важные вопросы поднимать дома. Мы всё уже обсудили.

Последняя фраза была обращена к менеджеру. Тот отвёл взгляд и торопливо протянул биосканер для подтверждения финансовых операций. Морис с размаху приложил ладонь, и техника последовательно мигнула четыре раза: ипотека, магазин, ювелирная мастерская и кейтеринговая служба.

– Теперь ваша очередь, госпожа Мэрриш. – Сотрудник банка передал биосканер в мои руки. – Дождитесь, пожалуйста, четырёх огоньков, это будет подтверждением всех транзакций.

Я взяла устройство в руки и задумчиво уточнила:

– А если я не буду подтверждать три последние операции? Я могу подтвердить только первую?

– Ориелла! Что ты себе позво...

Я буквально кожей ощутила, как вскипает и заводится муж, но и сама уже была на пределе. Это деньги, которые даёт государство на детей. И если Морис хочет праздник в свою

честь, то пускай зарабатывает на него сам. Мне надоели его скачки настроения и неограниченные траты на себя любимого за наш счёт.

– Да, конечно, вы можете подтвердить только взнос на ипотеку, – не моргнув и глазом сообщил клерк. – В таком случае перевод будет только за дом.

– А оставшиеся двести кредитов?

– Будут заморожены и останутся лежать на счету Ланса и Лотта Мэрриша. Потратить вы их сможете, только если придёте с мужем к взаимному согласию и каждый подтвердит операцию своим отпечатком.

– То есть не сгорят?

Когда мы получили первую дотацию по рождению близнецов, Морис уверял, что если деньги не потратить, то государство придумает причину, по которой их можно отобрать. Сейчас я склонялась к тому, что он просто умело играл словами.

Молодой цварг посмотрел на меня почти возмущенно:

– Нет, разумеется!

Я кивнула, поднесла ладонь к биосканеру, дождалась первой вспышки и тут же убрала руку. После чего в абсолютной тишине вышла на улицу. Кипящий от возмущения Морис шёл позади на несколько шагов. Не надо было обладать способностью мужчин-цваргов читать эмоции, чтобы понять: когда придём домой, разразится очередной скандал.

Так оно и вышло.

Морис припарковал флаер, наехав на куст роз, который я удобряла несколько месяцев, чтобы он прижился в новом месте, хлопнул водительской дверцей и резко развернулся:

– Ты выставила меня нищепродом! – заорал он, стремительно краснея.

В его системе координат самые ужасные оскорбления касались низкого заработка и намёков на смешанную кровь. Даже удивительно, что он взял меня в жёны, зная, что я наполовину эльтонийка.

– Ты не спрашивал моего согласия на эти траты. Я сделала лишь то, на что имела право.

– Я спрашивал твоё согласие, когда ты выходила за меня замуж! Этого достаточно. Ты сказала «да», хотя знала, что я всего лишь шофёр, а теперь попрекаешь меня этим!

– Не попрекаю. Я всего лишь хотела, чтобы деньги на детей...

– Вот! Вот! Снова деньги! Ты только о них и думаешь! Меркантильная эльтонийка! Я дал тебе всё: дом, детей, образование, зарплату, гражданство Цварга, а ты только и думаешь о деньгах. Меня предупреждали, что женщины с Эльтона – расчётливые твари, но я не представлял себе, до какой степени! – в сердцах воскликнул супруг.

Кислая горечь, которая поселилась во рту ещё во время пребывания в банке, растеклась по языку и медленным ядом впиталась в кровь. Резко захотелось не то плакать, не то истерично смеяться. Морис так искренне негодовал, будто действительно верил в то, что говорил. Он так слеп, ограничен или глуп?

«Орианн, как ты этого раньше не замечала? Как?!»

Солнце пекло, проклятый шарф физически душил. Я отбросила конец ткани за спину, чтобы было не так тяжело дышать, но страшно хотелось сорвать его целиком, скомкать и бросить на траву. Однако это был мой единственный приличный шарф, который универсально сочетался с большинством платьев из гардероба.

«Вещь здесь ни при чём. Вещи надо беречь».

– Вселенная, Морис, о чём ты говоришь?! За дом платит государство, которое даёт дотации на Ланса и Лотта. Уж прости, но детей носила, рожала и воспитывала я! На Эльтоне я училась на архитектора, но ты заставил меня бросить колледж, это было твоим условием. На Цварге же всё, чему я успела научиться до родов, – это школа для истинных леди-цваргинь. Воспитание, этикет и прочая ерунда, которая мне вообще никогда не была бы нужна, живи я на другой планете. Местное гражданство?! А я просила о нём?

Краска стала заливать не только щёки, но и шею, лоб и уши Мориса. Ещё немного, и впору было бы опасаться, что у него начнётся сердечный приступ, вот только у цваргов не бывает проблем с сердцем.

– И это твоя благодарность?! – свистящим злым шёпотом выплюнул он, обогнул капот флаера и подошёл так близко, что теперь нависал надо мной. В процессе ругани единственная пуговица на пиджаке от-кутюр оторвалась и потерялась где-то в траве, но он не заметил этого. – Вот же ты дря-я-янь... Я тебе целый мир подарил! Я увёз тебя с вшивой занюханной помойки! Ты была отбросом общества, а я сделал из тебя принцессу!

Я отшатнулась: конечно, Морис никогда не скрывал нелюбовь к смескам, но за десять лет брака он, наоборот, всячески показывал, что считает меня именно цваргиней.

– Я никогда не была отбросом, – пробормотала шокированно.

– Ты была этой мерзкой эльтонийкой! Какие у тебя были возможности на родине? Всем известно, что из эльтониек получают отборные подстилки, но, видимо, и тут мне попалась бракованная. Да ты бы с голоду умерла, если бы не я, кошёлка неблагодарная!

Тело буквально парализовало, когда Морис упомянул постель. Секса между нами не было уже несколько лет – то небольшое, в чём он так и не смог перекроить меня, однажды придя домой весь в духах и помаде любовницы. Я растила детей, исполняла обязанности хорошей жены во всём, что не касалось интима, и... мечтала о разводе.

Лицо мужа исказилось от гнева, ноздри расширились, делая лицо непривлекательным, а ладони сжались в кулаки. Мощный хвост Мориса с острым шипом вспорол дёрн.

Если честно, то я хотела, чтобы он меня ударил.

Если бы ударил, это можно было отнести к жестокому обращению и добиться расторжения брака. Если бы он прошёлся бета-колебаниями, то можно было бы просканировать мой мозг в клинике и зафиксировать давление в ментальном плане – я узнавала. Если бы он сделал то или другое, это развязало бы мне руки.

Но Морис прекрасно справлялся одними словами:

– Ориелла, очнись от своих влажных фантазий и посмотри на себя! Ты была жалкой, а со мной стала официально чистокровной цваргиней, которая сидит дома и ничего не делает, да ещё и чем-то недовольна. Да ты ноги должна мне целовать, а не выставять олухом перед менеджером банка!

– Я хочу развод.

Я не знаю, как отважилась это произнести. Оно просто вырвалось само собой.

Он картинно рассмеялся:

– Вселенная, что за чушь ты несёшь?! На Цварге не существует разводов.

– Они не предаются огласке из-за плохой демографической ситуации на планете, но они существуют, – возразила я. – Если пара выполнила долг перед расой и завела детей. У нас их двое, а следовательно, если ты подпишешь бумаги, то развод одобряют.

– Где же ты этой чуши набралась, мышка-глупышка? – Он всё ещё посмеивался, но улыбка на его лице выглядела насквозь фальшивой. – Ты же это не серьёзно, Ориелла? Это совершенно не смешная шутка.

Супруг заглянул мне в глаза, пытаясь понять, насколько основательна я в намерениях.

– Я ходила к адвокату.

– И кем же ты будешь, если получишь развод? – насмешливо уточнил Морис.

– Архитектором... У меня неоконченное образование, но думаю, меня бы могли взять стажёром-помощником в крупную межгалактическую фирму. Я действительно не понимаю, почему мы живём вместе. Это не тот брак, которого я хотела, да и наверняка не тот, которого хотел ты. Он меня душит. Отпусти, пожалуйста.

Я осеклась, поняв, что ошибочно приняла тихое клокочущее бешенство мужа за насмешку.

– Я не понимаю, чем ты недовольна. Ты хотя бы осознаешь, что послезавтра восьмой день рождения наших детей?! – прорычал Морис.

– Мам, пап, что случилось? Вы же не ссоритесь опять?

Калитка скрипнула, и на пороге появились похожие друг на друга, как две молекулы, Ланс и Лотт. За нашим спором мы и не заметили, что мальчишки вернулись из школы. Личики детей с плохо скрытым подозрением уставились на нас. На их головах месяц назад только только проклюнулись резонаторы, и, хотя ещё пройдут годы, прежде чем Ланс и Лотт научатся в полной мере считывать эмоции существ из воздуха, ближайший день рождения должен стать для них особенным.

«Хорошие родители никогда не ссорятся перед детьми».

Я судорожно пыталась подобрать правильные слова, но Морис меня опередил:

– Мы и не ссоримся, дети. Просто выбираем имя.

– Имя? О, это для щенка, да? Вы подарите нам щенка на день рождения?!

Муж снисходительно улыбнулся:

– Нет, мы выбираем имя для будущей принцессы Мэрриш. Ваша мама заскучала, сидя в четырёх стенах, вы же теперь и вовсе ходите в школу. Вы же хотите сестричку?

– Да-а-а, – немного вяло отозвались мальчишки. Очевидно, щенка они хотели больше, но тут Ланс ткнул под рёбра Лотта, и тот поспешно закивал: – Да-да, конечно, пап, мы очень хотим сестру!

Сердце ухнуло куда-то в пятки. Я уставилась на Мориса, не веря своим ушам. Сестричку? Что?! Ещё один ребёнок?

Первые роды прошли с колоссальными осложнениями, и больше полугода я приходила в себя, одновременно вставая по ночам к близнецам, кормя их, меняя подгузники... Муж пропал на работе и совсем не помогал с детьми, моей матери в визе на Цварг отказали, а просить помощи у родни Мориса запретил сам супруг, сказав, что таким образом я его унижаю. Что он, не способен заработать на помощницу по дому? По факту, когда я просила помочь с уборкой дома, готовкой или малышами, Морис всегда был занят, а помощница существовала лишь на словах. Более того, каким-то образом Морис всегда поворачивал наши разговоры так, что я начинала чувствовать себя виноватой: он работает с утра до вечера, а я не могу проследить за детьми и всего лишь прибраться-приготовить. Из-за прихоти супруга в покупке поместья я восемь лет была и уборщицей, и поваром, и садовником и делала то, что, по идее, должен делать целый штат прислуги, которого у нас не было, я выматывалась, а ещё заботилась о детях...

Я бесконечно устала и меньше всего на свете хотела ещё одного ребёнка. Вселенная! Да мне была противна даже мысль о том, что Морис будет до меня дотрагиваться после череды любовниц, что у него были!

Я всегда думала, что то одеревенение в интимном плане, которое напало на меня после родов, – это следствие действия каких-то высших сил, потому что даже они понимали, что мне не нужен ещё один ребёнок. Я просто не справлюсь. Ко всему, на Цварге законом запрещены контрацептивы. Чтоб эти чиновнички, которые к цваргиням как к скоту относятся, в гробу перевернулись!

«Нет. Не хочу!»

– Ты не посмеешь, – проговорила я одними губами.

– Дети укрепляют брак. Дорогая, ты просто бесишься оттого, что скучаешь, – уверенным тоном сказал Морис. – Я навещу тебя в спальне сегодня вечером.

Глава 2. Свидание вслепую

Себастьян Касс

– И вот, представляете, я открыла дверцу, и вещи выпали на меня всем скопом. – Джун рассмеялась весёлым, звонким, словно колокольчик, смехом.

Себастьян Касс смотрел на девушку с лёгкой полуулыбкой. Его родители – знаменитые на всю Юнисию Север и Вивьен Касс[1] – не понимали, зачем сын в который раз возвращается на историческую родину и пытается найти себе невесту-цваргиню. Себастьян и сам толком не мог объяснить, что именно его тянуло на Цварг, ведь на Юнисию постоянно прибывали студенты из самых разных уголков Федерации.

Чистота крови будущей супруги? Нет, пожалуй, Себастьян никогда за ней не гнался. Да и его мать на три четверти человек, на четверть миттарка, и лишь благодаря тому, что гены цваргов одни из самых сильных, он родился тем, кто он есть.

Образование? Снова нет. Да, на Цварге девушки поступают в котирующиеся на просторах Федерации институты и университеты, но Себастьян был искренне уверен, что учиться никогда не поздно – было бы желание.

Классическое цваргское воспитание? Будучи гражданином и проведя большую часть жизни на Юнисии, Себастьян сам являлся полным профаном в том, что касалось этикета родной планеты. Дедушка Сильвестр пытался вложить в его голову знания, но всё это казалось абсолютно бессмысленным по сравнению с действительно важными вещами: точными астрономическими картами, физико-техническими свойствами истребителей, молекулярно-генетическими таблицами различных рас и основами юриспруденции. Из всех мудрёных и многочисленных правил этикета Себастьян выучил лишь основное: чтобы прикоснуться к цваргине, необходимо получить на это её разрешение, в остальном он решил полагаться на собственное чутьё.

– Я получила вашу анкету от Планетарной Лаборатории, – тем временем щебетала Джун, помешивая трубочкой манговый фреш. – Там упомянуто, что у вас есть коттедж на сваях на Миттарии и квартира в южном полушарии Цварга. Это правда?

Цваргиня отпила немного сока и заинтересованно склонила голову набок. Иссиня-чёрные волосы рассыпались по плечам нежного лавандового оттенка. Джун понравилась Себастьяну и внешне, и по эмоциональному фону. Её бета-колебания пахли вкусно, и он был уверен, что мог бы построить семью с такой милой цваргинею.

Возможно, для первого свидания с девушкой на Юнисии или любой другой планете Федерации спрашивать вот так в лоб о том, сколько зарабатывает мужчина и какая у него недвижимость, не очень-то красиво, но для Цварга – нормально. Себастьян посетил уже не первое свидание и чётко усвоил этот нюанс. На его исторической родине девочек рождается исчезающе мало, а потому Планетарная Лаборатория собирает анкеты всех девушек в детородном возрасте в единую базу, а затем подбирает им наиболее подходящих мужчин-цваргов и предоставляет списки на выбор. Поскольку претендентов мужского пола в разы больше, обязательным пунктом является и финансовое состояние кандидата в супруги, чтобы девушкам было легче ориентироваться.

Себастьян Касс охотно кивнул. В вопросе Джун, судя по эмоциональному отклику, не звучало меркантильности, лишь непосредственное любопытство.

– Да, у меня здесь есть квартира, так как на Цварге проживают родственники со стороны отца, а на Миттарии я приобрёл дом из-за бабушки и тёти по линии матери. Но недвижимость в этих Мирах куплена исключительно ради удобства: мне не очень нравится останавливаться в отелях, да и случалось несколько раз, что я внезапно сорвался на голубую планету[2], а все отели забиты битком. Приходилось ночевать или на орбите в тесном салоне истребителя, или

проситься в хостел под водой... Сомнительное удовольствие. Основное время я проживаю на Юнисии. У меня там... два личных острова.

– О! – На лбу собеседницы проступили горизонтальные морщинки. – Юнисия-Юнисия... хм-м-м... Я что-то слышала про этот Мир, но никак не могу вспомнить... Кажется, это что-то на задворках Федерации. Там какой-то из мелких филиалов Академии Космофлота располагается? Вы военный, что ли? А когда закончится контракт, вы сможете вернуться на Цварг?

Себастьян почувствовал, что диалог свернул на тонкое лезвие и теперь придётся балансировать, чтобы понравиться. Чета Кассов находилась в дружеских отношениях с ректором филиала Академии на Юнисии, а потому Себастьян посещал все лекции, какие ему были интересны, ещё будучи подростком, имел весьма разносторонний бэкграунд, но фактически контракта с Космофлотом не подписывал.

– Нет, я не военный.

– О, то есть вы можете вернуться на родину в любой момент?

– Да, но... – Себастьян уловил вспышку радости от Джун и на секунду заколебался. Стоит ли говорить правду вот так, с первой встречи? Он помотал рогатой головой: что за вопрос, конечно стоит! Чем раньше все точки будут расставлены над рунами, тем проще будет в будущем. Гораздо хуже всё сложится, если у них завяжутся отношения или, не дай Вселенная, у него сформируется привязка к её бета-колебаниям, а она наотрез откажется перебираться в другой Мир.

Касс кашлянул.

– Дело в том, что я ищу цваргиню, которая захотела бы переехать на Юнисию. Разумеется, все вопросы по визе и прочие юридические тонкости я беру на себя.

Изящные брови Джун удивлённо приподнялись.

– Хм-м-м... Я признательна за вашу откровенность. Расскажите мне... о Юнисии?

– Ну... – Себастьян задумался, с чего начать. – Это планета действительно удалена от популярных космотрасс, находится в одном из крайних секторов Федерации, и из инфраструктуры фактически есть только Академия и жилые дома. Юнисия вращается вокруг звезды-магнитара Соло, и в её почве превалирует вещество с магнитными свойствами, так что поверхность представляет собой отдельно летающие острова в разреженном море. Вода по большей части тоже в необычном состоянии – похожа на кучевые облака.

– О-о-о... Летающие острова среди тумана! Красиво, наверное, – восторженно протянула Джун. – Вид из кабрио-флаера, должно быть, фантастический!

– Гхм-м-м... из-за высокого содержания магниса в ядре и почве Юнисии обычная техника там не работает.

По эмоциональному фону Касс почувствовал замешательство Джун и поспешил заверить:

– Коммуникаторы, конечно же, работают. Их изготавливают в изолирующих чехлах... Громадные такие получаются, но звонить и общаться можно. А вот крупной техники вроде кабрио-флаеров нет. Зато есть костюмы, в которых можно плавать между островами, простенькие механические лодки, а на суше многие используют велосипеды.

Улыбка Джун померкла.

– Громоздкие коммуникаторы? Велосипеды? Никаких флаеров?

– Никаких, – подтвердил Себастьян. – Зато воздух очень чистый, экология потрясающая, и растут удивительные овощи и фрукты, которых не попробовать в остальных Мирах Федерации.

Джун задумчиво потерла трубочкой мякоть в манговом соке. Она явно старалась прятать эмоции, что на Цварге считалось хорошим тоном, но нет-нет и короткие бета-колебания озадаченности и разочарования проскакивали в её ментальном фоне.

– А-а-а... торговые центры? Их много? Есть с иллюзионами или парками развлечений? – уточнила девушка с надеждой.

– М-м-м... нет. – Касс задумался, как бы объяснить, что такое Юнисия. Это Мир, который живёт по другим правилам. – Боюсь, нет ни того ни другого. Высокие здания и массивные сооружения строить на островах нельзя. Как я уже говорил, они парят в атмосфере, и когда ядро планеты проворачивается, магнитный фон меняется, острова взмывают вверх или вниз... Получается что-то вроде небольших землетрясений.

– Землетрясений?!

Себастьян уловил резонаторами отчётливый испуг собеседницы и тут же попытался «сдать назад»:

– На самом деле последние десятилетия они совсем небольшие, похожи на периодическую дрожь, к ним очень быстро привыкаешь. У Космофлота даже есть отделение, которое занимается метеорологическим прогнозом сейсмических активностей Юнисии. Но из-за этой особенности планеты здания по технике безопасности строят не выше двух этажей и не очень большие.

– А... понятно, – протянула Джун невесело. – А что было раньше? Я имею в виду, почему вы сказали «последние десятилетия»?

– О, так вы ничего не слышали о звезде Соло? Она испускала опасное вещество... но вы не беспокойтесь, мой отец, Север Касс, придумал способ нейтрализовать звезду-магнитар, и сейчас жить на Юнисии совершенно безопасно.

– Север Касс? – Цваргиня вновь нахмурилась. – То есть вы сын **того самого** Касса? Который забрал с Цварга всех самых слабых и ущербных мужчин с недоразвитыми резонаторами, чтобы что-то там подпитывать?

– Да, техническое устройство, стабилизирующее Соло.

На симпатичном лице цваргини отразилась смесь противоречивых чувств, и сколько она ни старалась удержать этот коктейль в узде, прикрыв его вежливой улыбкой, эмоции прорвались в бета-фон. Себастьян понял, что свидание окончательно и бесповоротно провалено. Джун явно не понравилась ни перспектива переселения на Юнисию, ни упоминание о том, что его отец когда-то стал символом и надеждой для тех цваргов, которых на родине называли «отказниками» – полукровок и мужчин, по тем или иным причинам не способных качественно читать ментальный фон.

И вот парадокс: на Юнисии отец считался героем и его фамилия звучала впереди имени, а на Цварге данное сочетание звуков оказалось сродни ругательству. И там и там окружающие видели не столько умного и образованного молодого профессора астробиологии Себастьяна Касса, собственными мозгами и трудом заработавшего внушительный капитал в свои тридцать пять лет, сколько богатого сыночка Севера Касса или отпрыска аристократической ветви Кассов... кого угодно, только не того, кем Себастьян себя чувствовал.

«На самом деле я в который раз прилетел на родину потому, что хочу, чтобы будущая супруга полюбила меня за мои заслуги, а не за заслуги родителей», – внезапно с отрезвляющим осознанием действительности признался себе Себастьян.

На Юнисии Касс-младший мог заняться многими направлениями, но решил посвятить себя биологии отчасти потому, что это поприще ещё не занято. Будь он математиком, физиком или техником, его заслуги приписывали бы отцу, стань успешным юристом – матери, а добейся высокого ранга в качестве военного, все бы тут же хором сказали: «Разумеется, ведь его родители служили в Космофлоте!» Мало кто представляет, насколько психологически тяжело детям по-настоящему успешных гуманоидов, ведь их всю жизнь сравнивают с родителями. Если сын или дочь оправдывают ожидания, то общество приписывает победы личным связям и знакомствам, если не оправдывают – то сочувственно вздыхают: «На детях гениев природа отдыхает». В последних случаях лишь самые стойкие личности не впадают в затяжную депрессию.

Себастьян Касс интуитивно чувствовал всё это, ещё будучи подростком, и поэтому мудро принял решение углубиться в астробиологию и проблемы межгалактической генетики.

«Так любые результаты, которых я добьюсь, будут только моими», – заявил он родителям, когда выбирал направление. Север и Вивьен приняли решение сына без каких-либо вопросов.

– Что ж, Джун. – Себастьян поднялся из-за столика. – Я благодарен вам за уделённое внимание, но вижу, что дальнейшее знакомство не имеет смысла.

– Да, пожалуй, не имеет. – Цваргиня смущённо отвела взгляд и прикусила губу. – Вы мне очень понравились, Себастьян, правда, но...

– Но вы не готовы ни к переезду на другую планету, ни к изменениям в жизни, – закончил за неё Касс и чуть было не добавил «ни породниться с теми самыми Кассами». – Джун, можете заказать любой десерт, какой пожелаете, я всё оплатил. Не смею больше тратить ваше время.

Девушка облегчённо кивнула.

– Спасибо за свидание и за цветы, Себастьян. Всего доброго.

Цварг засомневался, стоит ли согласно этикету спросить разрешения поцеловать руку на прощание, но Джун устала в меню ресторана, и Себастьян принял решение молча удалиться. Обед в элитном заведении из устриц с запечённой фасолью и тартаром из трёх видов миттарских рыб на его кошельке не отразился, собственно, как и любой десерт, даже если Джун выберет их все.

Себастьян вышел из ресторана и прыгнул во флаер. Несколько секунд он раздумывал, куда полететь – то ли в собственную квартирку в южном полушарии, то ли в родовое поместье Кассов, где наверняка можно встретить кого-то из братьев отца – Софоса или Стефана. Как профессор астробиологии и межгалактической генетики, Себастьян имел коварный план стрясти с дядей минимум по пол-литра крови для экспериментов. Последние годы его не на шутку заинтересовала проблема рождаемости у собственной расы, да и странное соотношение, при котором на десять мальчиков и у цваргов рождалось всего две или три девочки. Особую ценность в этом плане играла кровь дядей ещё и потому, что они являлись однойцевыми близнецами, но у Софоса уже имелось две дочери от эльтонийки, а у Стефана детей не было.

Пока Себастьян выруливал с парковки, коммуникатор загорелся входящим звонком.

– Привет, мам! – бодро откликнулся Касс, переводя звонок на громкую связь, чтобы удобнее было вести флаер.

– Привет, дорогой, – с той стороны послышался мягкий голос Вивьен Касс. – Как прошло твоё свидание вслепую?

– Ой, да какое оно вслепую... Планетарная Лаборатория такие анкеты предварительные составляет, что тут разве что размер ноги только не знаешь о цваргине перед тем, как с ней встречаться. Хотя и это, думаю, они уточнят заранее, если одна из сторон попросит.

– Значит, впустую? – Вивьен, как всегда, понимала малейшие оттенки в голосе сына.

– Впустую, – со вздохом подтвердил Себастьян.

– Жаль... Но, может, не стоит заикливаться на списках Планетарной Лаборатории и дать судьбе найти тебя самой? Я имею в виду, что тебе всего тридцать пять... Да, конечно, мы с твоим отцом примерно в это время уже поженились, но ведь цварги живут очень долго – двести, а то и триста лет. По меркам расы у тебя ещё масса времени впереди.

– Да, мам, наверное, ты права...

– А как поживает твоё **другое** дело?

«Как у неё получается быть настолько внимательной?»

– Тоже глухо. Я пытался добиться встречи или хотя бы разговора с администратором Планетарной Лаборатории, но это, по-моему, ещё сложнее, чем назначить аудиенцию сразу со всеми чиновниками из Аппарата Управления.

Себастьян замолчал, поморщившись от неприятных воспоминаний. В принципе, ожидаемо, что ему не дали многомиллионную базу персональных данных жителей Цварга, но всё

же он предполагал, что его хотя бы выслушают. Касс построил несколько теорий касательно деторождения на родине, но, чтобы их проверить, отчаянно не хватало информации о супружеских парах.

«Радуйтесь, что вас и так добавили в списки Лаборатории, – невежливо фыркнул сотрудник, подумав, что Себастьян благодаря степени профессора астробиологии элементарно хочет обойти соперников и заполучить контакты незамужних молодых цваргинь. – Вот выберет вас какая-нибудь девушка, тогда с вами и свяжутся, а так сидите и ждите очереди, как и все воспитанные цварги».

К счастью, Вивьен была достаточно чуткой матерью, чтобы понять: не стоит дальше расспрашивать сына о теме, на которую он не хочет говорить. Вместо дополнительных нежеланных вопросов о работе или неуместных «давай я попробую напрячь свои связи и договориться» она поинтересовалась:

– Когда тебя ждать на Юниси?

Себастьян прикинул в уме.

– Я хочу взять кровь у дядей и всех знакомых цваргов, кто захочет поучаствовать в исследованиях, и, наверное, придётся остаться на выходные, как-никак праздник на Цварге – Коралловый День, а там уже вылечу в сторону системы Соло.

– Хорошо, делай всё, что запланировал. Мы будем ждать, – заверила его Вивьен и попрощалась.

[1] История Вивьен и Севера Кассов рассказана в дилогии «Академия Космического Флота: Пограничный филиал» и «Академия Космического Флота: Хранители Федерации». ↑

[2] Подразумевается Миттария, так как эта планета практически полностью покрыта океанами. Большинство местных жителей живут в подводных городах под куполами. Недвижимость над уровнем воды стоит очень дорого. ↑

Глава 3. Любовь и ненависть

Орианн Мэрриш

В зеркале отражалась молодая женщина с потрясающим оттенком кожи, напоминающим молодую сирень, густыми чёрными волосами, длинными ногами, несколько более пышной, чем у большинства цваргинь, грудью и тонкой талией. Изящные черты лица, аккуратный нос и уши, миндалевидный разрез глаз и еле заметное мерцание кожи – расовая особенность эльтониек, которая в моём случае проявилась как золотистая пудра. Природа-художница по кусочкам умудрилась взять лучшее от матери-эльтонийки и отца-цварга.

Я смотрела на отражение и ощущала, как горькая глухая ненависть медленно, но верно разъедает внутренности. Я чувствовала себя мёртвой. Собственно, я была мёртвой: красивая оболочка при выжженной безжизненной пустыне внутри. Глубокая старуха с внешностью цветущей девушки. Бессонные ночи из-за двух гиперактивных малышей при полном отсутствии поддержки со стороны, ежедневная уборка огромного поместья и готовка еды, физически тяжёлая работа в саду, бесчётные, выматывающие нервы ссоры с супругом – всё это отразилось лишь парой морщинок вокруг глаз да чуть потрескавшейся от сухости кожей рук; в остальном эльтонийская кровь и цваргская регенерация сделали то, о чём мечтают миллионы женщин.

Я ненавидела собственную внешность.

Как же мне хотелось отмотать время назад и стать если не уродиной, то хотя бы просто незаметной. Вселенная, если бы это было возможно! Тогда бы Морис не обратил на меня внимания, я бы не бросила колледж на Эльтоне, не попала бы в ловушку брака... Я бы была свободна от Цварга!

Нестабильные туннели и чёрные дыры! Как же я хотела развод! Я хотела его до такой степени, что даже однажды, скопив тайком нужную сумму из тех крох, что Морис давал на хозяйство, обратилась с этим вопросом к юристу. Вот только ответ профессионала был до мурашек жутким.

– Госпожа Мэрриш, вы цваргиня, и у вас двое детей в браке. Вы хотите развод, я правильно понял?

– Почти... Муж при оформлении документов указал мою расу как «чистокровная цваргиня». Он посчитал, что я буду так чувствовать себя на этой планете уютнее, тем более что внешность позволяет. Но я родилась на Эльтоне, мать – эльтонийка. Просто гены отца-цварга в моём случае оказались сильнее.

– Ох, сложная ситуация... Если бы вы были зарегистрированы в Планетарной Лаборатории как полуэльтонийка-полуцваргиня, ещё можно было бы что-то обсуждать. На браки с представителями других рас правительство смотрит немного иначе... Но для пары цварг-цваргиня разводов на планете нет.

В горле образовался ком горечи.

– А если я сдам анализы крови, соберу доказательства, что родилась на Эльтоне?

Адвокат на несколько секунд задумался, затем отрицательно покачал головой:

– Не поможет. У вас уже двое сыновей, и они признаны Лабораторией чистокровными. Верно же? Боюсь, в данном случае этот факт играет куда как более важную роль. Правда... тут, наоборот, как гражданка Цварга вы можете попробовать уповать на выполненный долг перед расой. Если есть здоровые дети и супруги настаивают на разводе... – Мужчина осёкся. – Вы думаете, господин Мэрриш не поддержит развод?

Истеричный смешок вырвался сам собой.

«Это же будет означать, что он не удержал жену. Это уронит его репутацию в глазах приятелей, все станут судачить о нас, копаться в браке и выяснят, что он работает шофёром. Позор! Ах да, ещё наверняка что-то случится с дотациями от государства...»

Юрист правильно расценил мою реакцию и развёл руками:

– Если ваш муж не желает развода, то, увы, никакая юридическая казуистика не поможет. В любой момент господин Мэрриш может объявить, что у него сформировалась ментальная привязка на ваш организм. При таком раскладе Аппарат Управления в жизни не даст развода. Это же будет означать аналог подписания смертного приговора. Понимаете?

Я понимала, что, однажды сказав «согласна», попала в тюрьму.

Отражение в тусклом свете ночника выглядело загадочным и притягательным, как будто бы с той стороны была полная сил и энергичная Орианн, а с этой – потрёпанная жизнью, сложенная и растоптанная Ориёлла. Испытывая глухую ненависть к той Орианн, что смотрела на меня из зеркала, я схватила ножницы и на глаз откромсала волосы по плечи. Почему? Да потому, что на Цварге длинные волосы считались признаком женственности, а мне во что бы то ни стало хотелось стать страшненькой и непривлекательной для мужа. Новая причёска добавила образу немного трогательной невинности.

Я разрыдалась.

Когда же любовь закончилась в нашем браке? Когда счастливые дни превратились в мучительную пытку? Когда же это началось?

Я попыталась припомнить. Определённо, в тот день, когда Морис сделал предложение, я искренне считала, что вытянула лучший билет в жизни. Будущий муж вскружил голову галантными ухаживаниями, а рассказы о том, как из-за малочисленности женщин холят, лелеют и носят на руках на Цварге, и вовсе сделали образ закрытой планеты чем-то сродни раю.

В один прекрасный день Морис опустился на колено, произнёс красивую речь и открыл бархатную коробочку с кольцом. Он работал шофёром, но для прежней меня – наивной полукровки, которой только-только исполнилось двадцать один год, – он получал целое состояние, да и Цварг всегда был существенно богаче Эльтона. Морис казался принцем из сказки, который должен увезти в волшебный Мир с драгоценными горами и розовыми озёрами.

Когда я забеременела, муж в порывах гиперопеки стал запрещать мне есть определённые продукты – он считал, что при употреблении красного мяса, креветок, помидоров или клубники у детей могут проявиться классические черты эльтоНИЕК – волосы будут с розовым оттенком. Он составил разрешённый список из чёрной, сиреневой и синей пищи. Начались первые ссоры.

«Тебе настолько плевать на будущее наших детей, что ты не можешь себя временно ограничить в еде? Что ты за матерью-то будешь?! Я, между прочим, вкалываю с утра до ночи, чтобы обеспечить будущее. А где твой вклад?»

Я пыталась объяснить, что масть детей, цвет волос, кожи и глаз закладываются генетически, а не временными диетами, но он упорно стоял на своём.

На последних сроках беременности я стала много ворочаться во сне и часто вставать с кровати по ночам. Муж попросил переехать в другую спальню, чтобы не мешать ему высыпаться. Собственно, планировка нового дома это позволяла, и я согласилась, да и отдельные спальни у супругов на Цварге считались нормой.

Первые месяцы после родов оказались очень напряжёнными: кормление, пеленки, памперсы, режущиеся зубы, болящие животики... и всё это я мужественно преодолевала в одиночку, потому что муж всегда был на работе. Несколько раз я просила прийти пораньше и помочь или хотя бы нанять нянечку на пару часов в день, чтобы я элементарно могла спокойно помыться и не беспокоиться, что мальчишки в это время выберутся из кроваток, но муж отмахивался: «Ты знаешь, сколько стоит ручной труд на Цварге? У нас все деньги идут на ипотеку» или «Не ерунди, все как-то справляются, и ты справишься. Они же мелкие совсем, спят круглосуточно, какая это работа?»

Когда я указала Морису, что он покупает себе пятый деловой костюм от Каррисона, он взбеленился: «Ты ничего не понимаешь! Я покупаю дорогую одежду, чтобы вращаться в нуж-

ных кругах. Чтобы стать богатым, нужно для начала выглядеть и чувствовать себя как богатый! И вообще, я заработал эти деньги – как хочу, так и трачу».

А я действительно не понимала. Из-за трат на одежду супруг не стал зарабатывать существенно больше, зато вместо профессии «шофёр» стал называть себя специалистом по логистическим операциям.

Однажды, когда мальчикам было около годика и я с трудом их уложила после нескольких часов укачивания, Морис завалился в мою спальню и потребовал, чтобы я исполнила обязанности жены, а я, измученная детскими капризами, больше всего на свете хотела спать, о чём ему и объявила. Он рассердился, накричал, но ушёл.

В следующий раз он пришёл через неделю, и диалог повторился слово в слово. Ещё через неделю он завалился пьяным и заявил, что я обязана удовлетворить его как мужчину. Он так орал, а Ланс с Лоттом только заснули... Я понимала, что если не уступлю мужу, то близнецы снова проснутся и расплачутся, а у меня будет очередная выматывающая бессонная ночь. Проще согласиться. Брак в ту ночь впервые напомнил вязкое, топкое и бездонное болото.

Не знаю, что именно не понравилось мужу, но для перерыва почти в год он сделал своё дело феноменально быстро и тут же ушёл восвояси. На какое-то время его раздражительность и брюзжание пропали, а в следующий раз он появился на пороге спальни лишь через три месяца. Потом ещё через три. Между нами установилось молчаливое соглашение, вот только Морис выглядел неудовлетворённым всякий раз после близости. Уголки его губ кривились книзу, у рта появились глубокие складки.

– А ты чё, не? – однажды разочарованно спросил он. – Шварх, ну как так-то? Я ж стараюсь. Что ты холодная, как глыба-то, а?

...Никогда не врите цваргу об эмоциях.

В следующий раз я попыталась симулировать наслаждение. Ох, лучше бы я этого никогда не делала! Когда Морис раскусил меня, он взбесился так, что разнёс в щепки половину спальни и лестницу, разбудил детей, а под утро и вовсе улетел из дома, хотя наступил выходной. Вернулся муж лишь через двое суток: снова в стельку пьяный, но на этот раз благоухающий сладкими женскими духами, в помятом костюме и с отпечатками карминовой помады на вороте рубашки.

– Это всё ты виновата! Это от тебя вечно *воняет*, вот я и вынужден ходить по всякой швали! – заплетающимся языком бормотал Морис, пока я пыталась уложить его на диван на первом этаже, чтобы не перебудил мальчишек.

Стыдно признаться, но увидев супруга в таком состоянии, я впервые почувствовала облегчение, потому что знала: ближайшие месяц-два он будет в хорошем расположении духа, не будет ссор по идиотским поводам, никто не будет мотать нервы – я смогу вздохнуть свободно.

Может быть, тогда любовь между нами окончательно умерла? Не знаю.

Загулы мужа участились, он будто ждал моей реакции на походы налево, а я молчала. Через какое-то время Морис и вовсе потерял остатки совести, приведя красотку домой. Ланс, только-только начавший говорить, тут же поинтересовался:

– Мам, а кто эта тётя?

– Папина подруга, – соврала я, не представляя, что ещё можно сказать трёхлетнему ребёнку, который случайно столкнулся с полуголой девицей прямо в коридоре.

– А почему она пришла ночью? – удивился сын.

– Они решали важную задачу по работе.

В следующий раз, когда под окном запарковался флаер мужа, я взяла мальчишек за руки и провела три часа в саду на качелях, чтобы только они больше не увидели очередную «подругу» папы и не начали расспрашивать, что она делает у нас дома.

Как и когда влюблённость в мужа трансформировалась в безразличие, отчуждение, а затем и в банальное отвращение? У меня не было ответа.

Дверь в спальню скрипнула, но я не подняла взгляда, прекрасно зная, что это муж. Ноздрей коснулся отвратительный запах перегара. Я поморщилась.

«Зачем он так напивается?»

Морис молча приблизился и толкнул меня на кровать, навалившись каменной плитой сверху. Он стремительно, словно ураган, начал слюнявить губы, потом спустился ниже, на шею и ключицы. По ощущениям это было похоже на прикосновения склизких щупалец: так противно, что я невольно закрыла глаза.

«Не думать. Не чувствовать. Не смотреть...»

Мужские пальцы задрали ночнушку... Меня замутило от омерзения.

«Только бы он сделал всё быстро. Только бы не забеременеть опять... Я просто этого не вынесу».

«А если всё-таки забеременеешь?» – издевательски-вопросительно шепнул внутренний голос.

Чувство безысходности холодным ядовитым туманом проникло сквозь поры под кожу и парализовало тело: руки и ноги налились свинцом, лёгкие сжались, диафрагма поднялась и забыла, что нужно опускаться, сердце замерло... Все органы будто разом перестали работать.

Внезапно Морис остановился. Это было так неожиданно, что я распахнула ресницы.

– Ты моя жена! – чётко выговорил он, несмотря на убийственный запах перегара. – Какого шварха ты меня не хочешь? Почему от тебя так *воняет*, что хочется пойти блевануть?

Это от меня-то воняет?! Я даже не сразу поняла, что речь о ментальном фоне.

– Этот смрад похож на запах гниющей рыбы или канализационные миазмы! Шварх, даже алкоголь его не перебивает, хотя я выпил предостаточно! – продолжал возмущаться супруг и всё-таки слез с меня.

– Так, может, разведёмся?

– В смысле «разведёмся»?! – Забрезживший лучик надежды ослепляюще вспыхнул и потух. Морис икнул от негодования. – Что за бред ты продолжаешь нести?! Ты моя жена и должна быть благодарна за то, кем я тебя сделал! Да если бы не я...

«...то я была бы счастливой».

– Морис, послушай! – Я стремительно одёрнула ночнушку и отодвинулась от него на приличное расстояние, пока он не передумал. – У нас уже получились замечательные дети. Долг перед расой выполнен что с твоей стороны, что с моей, у нас их вообще двое...

– ...А будет трое! – перебил супруг не слушая. – Мышка, любая нормальная женщина хочет детей. Тем более от мужа. Дети – цветы жизни! Что не так-то? Чем ты опять недовольна?

«Нормальная, – повторила про себя. – Значит, я ненормальная».

– Я всё уточнила, если ты согласишься на развод, то его дадут даже с тем, что меня считают чистокровной цваргиней. Мне дадут покинуть планету...

– Так это была не шутка?!

Он уставился так, будто у меня по меньшей мере вырос хвост.

«Вселенная, дай мне терпения убедить его!»

– Не шутка. Я не люблю тебя и не хочу. А ты не хочешь меня. Пожалуйста, дай мне развод.

Клянусь, на долю секунды я увидела в глазах Мориса панику. Он схватился за основания резонаторов и забормотал:

– Нет-нет-нет, Ориеллочка, дорогая, нет! Ни в коем случае, ну как же я без тебя?! А как же дети? Ты хочешь, чтобы они росли без матери?

– В смысле «без матери»? – Я сглотнула колющий ком в горле.

За годы брака можно было посчитать часы, когда Морис проводил время с детьми. Обычно он говорит что-то вроде: «Вот вырастут резонаторы, тогда и поговорю с ними по-мужски». Мне всегда казалось, что для мужа важен сам факт наличия сыновей – и только.

– Разумеется, без матери. – Супруг уловил мой страх и стал увереннее. – Даже если ты какими-то правдами и неправдами добьёшься развода, то Ланс и Лотт останутся на Цварге. Им нужен настоящий отец, который научит их быть цваргами не только по рождению, но и по сути – владеть резонаторами, читать эмоции! У тебя нет рогов, а значит, никто тебя с Цварга не отпустит, Ориелла. Так что выкидывай эти мысли из головы, понятно?

Он с усилием поднялся с матраса, явно забыв, зачем приходил, и, пошатываясь, вышел из спальни. Я облегчённо выдохнула. Что ж, по крайней мере, мне не пришлось делить с ним постель.

Глава 4. Встреча у озера

Орианн Мэрриш

Двадцать пятое июля – день рождения Ланса и Лотта – приходился на один из самых крупных праздников на Цварге – Коралловый День. Он так назывался из-за того, что насыщенно-розовая вода в термальных горных озёрах прогревалась до максимальных температур.

Морис так и не отказался от навязчивой идеи собрать гостей на природе. Из-за того, что я не подтвердила отпечатком ладони перевод в кейтеринговую компанию из родительского капитала, ему пришлось существенно ужаться в желаниях: заменить половину импортированных деликатесов «банальными» салатами, а вместо морепродуктов на такую ораву гостей, что он приглашал, и вовсе заказать синтетическое мясо – качественное, разумеется, но выращенное в пробирках, а не настоящее. Всё утро он брюзжал, но стоило прийти первым приятелям, как настроение Мориса заметно улучшилось. Я тихонько выдохнула.

Проследив, что у детей есть еда и питье – про последнее муж, разумеется, забыл, заказав лишь алкоголь, – я незаметно отошла от шатров. Родственники супруга, не видевшие близнецов уже несколько месяцев, хором уверили, что с удовольствием присмотрят за мальчиками.

Поместье Мэрриш находилось в десяти минутах ходьбы от озера с невероятным коралловым цветом воды, но я бывала здесь редко – обычно быт съедал все мои силы и время. Из-за национального праздника вдоль берега гуляли многочисленные влюблённые парочки, кто-то выбрался на пикник, расстелил цветастые пледы на изумрудной травке. Удивительное дело, близ воды июльская жара отступила, и я наконец-то вдохнула прохладный воздух полной грудью.

Ветер растрепал теперь уже короткие, по меркам местной моды, волосы. Кто-то из приятелей Мориса удивился преображению, но мне было равным счётом всё равно, что думают совершенно чужие цварги. Compliments «вы очень красивая» и «эта причёска делает вас ещё моложе» отзывались внутри сосущей горькой тоской, а восхищённые вздохи редких барышень «какой шикарный у вас дом и сад» звучали как тонкое издевательство. Разумеется, муж запретил упоминать, что у нас нет прислуги, но при этом потребовал убрать все три этажа до блеска, ведь «уберись хотя бы раз в год, что мы живём как в свинарнике? На подоконнике вон пыль уже собралась». И неважно, что это был подоконник комнаты, которой ни один из нас не пользовался.

Я прошла по деревянному настилу и достала из кармана кусок круассана. За всей подготовкой праздника я умудрилась позабыть и о завтраке, и об обеде. Пара прекрасных чёрных лебедей тут же заскользили по розовой глади в мою сторону и деловито вытянули шеи, прося кушанье. Немного подумав, я отломил краешек мучного изделия и со вздохом бросила птицам. Одна из них поймала кусок пищи сразу, а вторая промахнулась и лишь со второй попытки вгрызлась в круассан с другого конца.

– Красивая пара.

– Что? – Я вздрогнула и обернулась.

Молодой цварг в однотонной футболке и просторных трикотажных штанах, низко сидящих на выступающих косточках таза, стоял в нескольких метрах позади. Ничего необычного в одежде, просто отлично сидит на мужчине. Впрочем, с такой фигурой любая одежда будет хорошо смотреться на её хозяине: короткие рукава туго обтягивают бицепсы, крой подчёркивает узкую талию и весьма сухое телосложение незнакомца, а вот мышцы груди крепкие, судя по натянувшейся и насквозь промокшей от пота ткани. Дорогие трекинговые кроссовки – это точно, потому что именно этот бренд хотел приобрести Морис, но отказался, решив, что обувь не стоит таких денег, – стильный коммуникатор, тёмные волосы, собранные в низкий хвост, и – гордость любого цварга – крупные витые чёрные рога-резонаторы. Черты лица

определённо приятные. «Наверное, отпрыск местной аристократии... Здесь полно шикарных домов в округе», – подумала и поспешно сосредоточилась, приглушая эмоции, ведь на Цварге неприлично громко думать. Вот же! Я считала, что никого поблизости нет, и потому позволила себе расслабиться. Он беззаботно улыбался, как улыбаются только не обременённые проблемами гуманоиды.

«Совсем юный, видимо».

– Эти лебеди – красивая пара, – повторил незнакомец. – Говорят, они однажды выбирают супруга или супругу и живут вместе всю жизнь.

Я прикусила губу. Да уж, вот и знак свыше. Даже какие-то неуклюжие пернатые птички могут быть верными и счастливо при этом жить.

Себастьян Касс

Праздник Кораллового Дня проходил до того весело, что он позабыл, когда в последний раз столько смеялся. Братья отца, Стефан и Софос – здоровенные лбы, скоро по восемьдесят лет, казалось бы, стукнет – в очередной раз провернули трюк с переодеванием и заявили, что сдадут кровь на эксперимент, только если Себастьян в течение дня определит, кто из них кто. Касс-младший всё утро чётко обращался к каждому по имени, и им ничего не осталось, как помочь племяннику биоматериалом.

– Не понимаю, как ты это делаешь? – пробурчал Стефан, возвращая руку после забора крови. – Нас же даже родители путают... А ты как будто всегда точно знаешь.

Себастьян усмехнулся, промолчав. Несмотря на возраст, дяди действительно любили выглядеть одинаково: стриглись у одного и того же мастера, блокировали в ментальном фоне яркие бета-колебания и порой неосознанно копировали жесты друг друга. Касс-младший подметил, что оба брата носят тапочки, которые им подарила Вивьен пару лет назад. Но у Стефана они были синими, а Софос свой подарок заляпал в гаражах, ремонтируя флаер, и частые стирки сделали их скорее серыми. Благодаря этой малозаметной детали племянник всегда знал, кто из дядей перед ним.

– Так он же профессор астробиологии и межгалактической генетики, – хохотнул Софос, у которого кровь уже взяли. – У него в глаз имплантирован микроскоп, ну?

Себастьян улыбнулся шутке.

– Боюсь, существуешь такой в природе, я всё равно бы не смог это определить на взгляд.

– Ла-а-адно, – протянул Софос, опуская закатанный рукав. – Как твоё свидание прошло?

– Никак.

– В смысле – никак?! У тебя в этот приезд было три свидания! Я точно знаю. Неужели все три цваргини сморщили носы?

– Ну вот так. – Себастьян смущённо пожал плечами. – Никто не хочет переселяться на Юнисию. Всем нравится жизнь здесь – в центре Федерации.

– Так, может, и не надо? – вмешался в разговор Стефан. – То, что на Юнисии осели твои родители, не означает, что и ты должен жить там. Северу как... – Дядя запнулся, проглотив слово «отказник», – цваргу с травмой резонаторов, конечно, там жить проще, но ведь ты в любой момент можешь вернуться на родину.

Себастьян колебался, не представляя, что на это ответить. Правда заключалась в том, что ему бесконечно нравились Юнисиия и простота, с которой там можно общаться с кем угодно. Благодаря интернациональности в этом Мире отсутствовал особый свод правил поведения, а культурой являлась некая общая, вполне логичная смесь приемлемого от представителей всех рас ФОМа[3].

Побыв на Цварге всего неделю, Себастьян уже успел несколько раз сесть в лужу из-за местных мудрёных правил этикета. Три дня назад Касс-младший и вовсе подхватил под локоть пожилую цваргиню в торговом центре – в итоге разразился страшный скандал. А он всего-то

и хотел, что помочь ей убраться с траектории движения автоматического моечного комбайна. Откуда ему было знать, что техника остановится сама, а женщина воспримет прикосновение чуть ли не как сексуальное домогательство? Себастьян до сих пор краснел до основания рогов, вспоминая, как несколько часов ему пришлось провести в отделении Системной Полиции, объясняя ситуацию.

– Мне нравится читать лекции по астробиологии студентам, – сказал он в итоге примирительно. – Я как гражданский консультант при Академии Космофлота могу пользоваться просторной современной лабораторией и другими возможностями.

– Наука-наука-наука, ты совсем как твой отец, – фыркнул Софос. – В следующий раз тогда выбирай анкеты цваргинь помоложе. Чем гуманоид младше, тем он больше склонен к путешествиям и смене места жительства.

«Куда уже моложе, чем Джун? Ей и так только-только двадцать один год исполнился... Да и следующего раза не будет. Надоело тратить время впустую».

– Да, конечно.

Себастьян аккуратно сложил все пакеты с кровью в переносную морозильную камеру, после чего выпрямился, размял затёкшую шею, подхватил медицинский чемоданчик в руки и направился к истребителю. Транспорт он по привычке бросил на одном из многочисленных парковочных мест в поместье Кассов.

– Эй, а ты куда? Уже улетаешь, что ли? Неужели с бабушкой и дедушкой не попрощаешься? – догнал в спину встревоженный окрик.

– Прощаюсь, разумеется. Сейчас положу всё в багажный отсек, чтобы не забыть; побегая в горах до ужина, а там уже стартану в ночь на Юнисию.

– Ты бегаешь в такую жару?! – изумились Стефан и Софос хором.

– Даже не состоящие на военной службе консультанты Академии Космофлота обязаны держать хорошую форму, – усмехнулся Себастьян.

На самом деле астробиолог сообщил лишь частичную правду. При желании он мог бы и вовсе не заниматься спортом, но Юнисия требовала от своих жителей действительно отличного физического состояния – поди переплыви от острова к острову по разреженному морю! Да, конечно, мех-левы – костюмы для плавания – помогают, но если ты живёшь на отдельно парящей от Академии территории, плавать придётся по меньшей мере два раза в день: на работу и обратно.

Себастьян быстро переоделся, крикнул «пока ещё не прощаюсь» и трусцой направился к ближайшему коралловому озеру. В голове сформировался план, что после маршрута в горах можно будет подыскать место потише и окунуться.

Коммуникатор показал семнадцать километров с перебросом, когда в глаза бросился деревянный причал, идеальное тихое место, чтобы охладиться. Ноги сами собой свернули на настил, сделали несколько шагов по инерции... Из-за массивных вертикальных брёвен, служивших чем-то наподобие не то забора, не то украшения причала, Себастьян не сразу заметил девушку.

Худенькая цваргиня в элегантном бежевом платье сидела на досках, обхватив колени одной рукой, второй она кормила пару чёрных лебедей. Изящная тонкая кисть словно в грациозном танце плавно двигалась в воздухе, отламывала кусочек круассана, кидала его птицам и возвращалась обратно. Ветер колыхал ореол коротких, вопреки местной моде, волос, а профиль девушки с нахмуренными чёрными бровями выдавал глубокую задумчивость. Поза скрывала фигуру, но под очертаниями платья угадывались полная мягкая грудь, длинные ноги и тонкая талия. Цваргиня была определённо красива, но не той яркой рафинированно-глянцевой красотой, которую Себастьян видел в девушках, тщательно собирающихся на свидания, а какой-то воздушной, естественно-нежной.

Себастьян подумывал развернуться и поискать другое место для ныряния, но вот незадача – бета-колебания незнакомки коснулись резонаторов, и разум поплыл. Эмоции незнакомки звучали в его голове томной тихой музыкой, бесконечно печальной и мелодичной, но такой завораживающей, что дух захватывало, а по запаху напоминали ароматные цветы сирени.

– Красивая пара, – пробормотал Касс, зависнув и откровенно смакуя эти невероятные бета-волны. Он общался со многими женщинами, но ни одна из них не пахла так вкусно, что голова начинала кружиться.

– Что?

Красавица обернулась. Карие глаза посмотрели на него... ну, в общем-то, как на идиота.

– Эти лебеди – красивая пара, – повторил Себастьян, вспомнив, в каком он виде: потный после пробежки, в спортивных штанах, волосы собраны в низкий хвост... Швархова праматерь! В таком ужасном виде он не представлял ещё ни перед одной цваргиней. Надо было извиниться, взять номер коммуникатора и договориться о встрече, но язык нёс совсем не то, о чём думал мозг:

– Говорят, они однажды выбирают супруга или супругу и живут вместе всю жизнь.

– Вы орнитолог?

– Нет, астробиолог.

– А-а-а, понятно.

Девушка отвернулась, отщипнула очередной кусочек круассана и задумчиво бросила птицам. Себастьян прислушался к ментальному фону. Эмоции незнакомки, несмотря на их потрясающий аромат, отдавали заметной горечью. Касс вздохнул. Правила вежливости диктовали развернуться и незаметно исчезнуть, но... Пускай он покажется самым невоспитанным цваргом на планете, но он просто не может взять и уйти!

– Простите, но мне кажется, вы чем-то расстроены.

Он подошёл ближе и тоже сел на край настила.

– Что? – Она вновь оторвала взгляд от лебедей и, кажется, удивилась тому, что он рядом.

«Наверное, слишком близко сел», – с досадой подумал Себастьян, так и не вспомнив, на каком расстоянии прилично находиться от женщины, если не знаешь её имени. Пятьдесят сантиметров? Семьдесят? Сто? Шварх, дед говорил, но он совершенно забыл эти нюансы. Ну, в конце концов, не с сантиметровой рулеткой же ходить повсюду, чтобы проверять, правильное ли соблюдаешь расстояние!

– Я глубоко погрузилась в размышления... Прошу прощения, повторите, пожалуйста, вопрос, – тем временем отозвалось видение.

Лёгкий ветерок колыхал короткие волосы, она смотрела на него беззащитно-трогательным карим взглядом. Интересно, сколько ей лет?

– Вам не за что извиняться, – ободряюще улыбнулся Себастьян. – Это же я вторгся в ваше пространство... кажется, здесь это так называется. Мне показалось, что вы расстроены.

– О-о-о...

Орианн Мэрриш

Несмотря на то что мне впервые за долгое время выдалась возможность провести полчаса в тишине и спокойствии, неожиданный гость раздражения не вызывал. Он сел рядом на почтительном расстоянии и слегка нахмурился, бросив взгляд на доски между нами. Вид при этом у него был такой, словно он мучительно воображал сантиметровую ленту. Это выражение озадаченности соблюдения норм этикета вкупе с совершенно неофициальным нарядом незнакомца изрядно повеселили. Я почувствовала, что против обыкновения улыбаюсь. Неместный, что ли?

– Меня зовут Себастьян, – опомнился спортсмен, переведя на меня необычный для цварга глубокий кобальтово-синий взгляд в обрамлении пушистых длинных ресниц – такой синий, словно смотришь в глубину бездонного океана. Затягивает не на шутку.

– Господин Себастьян... – начала я, на секунду позабыв, что хотела сказать.

– Никаких «господинов». Не люблю эти формальные уточнения.

«Точно неместный...»

– Вам не за что извиняться, Себастьян. Я кормила лебедей и думала о жизни и символичности определённых моментов, ничего особенного. А вы сказали «здесь это так называется». Вы разве не с Цварга? Полукровка?

Последний вопрос вырвался раньше, чем я успела прикусить язык. Мужчина выглядел как чистокровный представитель планеты – мощный хвост с шипом, витые чёрные рога, правильный оттенок кожи – всё как у аристократа в десятом поколении, но на этот фантастический насыщенно-синий оттенок радужек невозможно не обратить внимания! На Цварге считается, что коренные представители расы имеют глаза тёмных оттенков.

– Ох! – Я тут же спохватилась, **что**ляпнула. Из-за жары и выволочек Мориса окончательно спеклись мозги. И добавила: – Я не хотела вас оскорбить.

– Вы меня ничуть и не оскорбили. – Мужчина внезапно тепло улыбнулся. – Мой отец – цварг, а вот мама... точнее всего будет сказать, что она человек с примесью миттарской крови. В любом случае её гены оказались рецессивными, и я появился на свет таким, каким вы меня видите. У цваргов достаточно сильная ДНК, которая в большинстве случаев вытесняет признаки других рас у смешанных пар. Так что я даже по строгим меркам Планетарной Лаборатории чистокровный цварг. Более доминантные гены встречаются разве что на Эльтоне. Удивительная, конечно, раса – кто бы ни был отец, у них всегда рождаются прекрасные девочки с золотой кожей и малиновыми волосами.

«Не всегда. На мне произошёл брак... а жаль».

– Ох, вам это, наверное, неинтересно...

Я хотела возразить, что наоборот, очень даже интересно узнать побольше обо всём этом, но осеклась. Морис не любил, когда я кому-либо сообщала о своей полукровости. «Не затем я тебе документы выправлял, чтобы ты трепалась всем подряд о грязной составляющей».

– А касательно планеты, тут вы правы, – тем временем продолжил Себастьян, уходя от опасной, но такой интересной темы. – Я родился и прожил всю жизнь на Юнисии. Сюда приехал в отпуск.

Я призадумалась, пытаюсь вспомнить школьный курс астрографии и звёздных карт Федерации. Шварх, это так давно было! Название планеты не ассоциировалось ни с чем.

– Это далеко от Цварга?

– Это планета в системе Соло, находится на краю Федерации, но всё же внутри границы, – вежливо подсказал Себастьян, даже не попытавшись покритиковать моё скудное образование.

«Морис обязательно сделал бы замечание».

Мужчина с энтузиазмом принялся рассказывать о потрясающем месте, откуда он прибыл: парящие в разреженном море острова, необычные полые деревья и яркие цветы в виде перьев, голубая звезда-магнитар со странной конструкцией-сферой поверх, нейтрализующей опасное излучение. Всех нюансов и терминов я полностью не поняла, но вид у Себастьяна был до того одухотворённый и восторженный, когда он описывал полёты-плавания в специально разработанных для этого костюмах, что Юнисия не могла не понравиться.

Глаза Себастьяна блестели, он энергично размахивал руками, объясняя, почему вода на Юнисии отличается от воды на любой другой планете, и в какой-то момент, явно забывшись, стянул кроссовки, чтобы опустить ступни в озеро. Причём сделал это так небрежно, будто обувь на его ногах стоила не маленькое состояние, а была всего лишь домашними тапочками.

В последнюю секунду, когда мужские ступни уже почти коснулись глади озера, он вдруг смущённо замер.

– Ой. Я совсем забыл. Это же Цварг. Это здесь считается приличным?

Себастьян Касс

Вселенная!

Он готов был провалиться нестабильным туннелем до ближайшей необитаемой планеты, осознав, что так заболтался, что в присутствии цваргини **снял обувь**.

Девушка неожиданно громко расхохоталась. Исходящие от неё бета-колебания вдруг стали такими резонирующими, что Себастьян почувствовал себя пьяным от счастья. Он был готов дурачиться всю жизнь, лишь бы только слышать этот тёплый звонкий смех.

«Эта девушка создана, чтобы смеяться».

Цваргиня взмахнула изящными, словно лебединые крылья, руками, скинула босоножки и тоже опустила лодыжки в воду.

– Похоже, вы, Себастьян, совсем редко бываете на Цварге. Нет, тут, конечно, строгие нормы приличий, но разуться летом на природе – вполне нормально. Я сама обожаю ходить босиком по дому. Удобно!

Она провела ногами по воде туда-сюда, от чего по коралловой глади пошли мелкие волны. Выпрашивающая круассан пара птиц решила отплыть подальше.

– О-о-о... как же хорошо-о-о...

Она прикрыла глаза от блаженства, а кадык Себастьяна внезапно дёрнулся. В его голове ослепительной вспышкой пронеслась совершенно неприличная картинка того, как эта девушка вибрирующе томно стонет эти слова на ухо. Он помотал рогатой головой и мысленно порадовался тому, что на нём свободные спортивные.

– А вы где-то бывали помимо Цварга? – кашлянув, спросил Себастьян, чтобы поскорее отвлечься.

Собеседница резко изменилась в лице и прикусила губу, да и её эмоции вдруг стали... холоднее, что ли?

– Если не хотите – не говорите, – торопливо добавил Касс, мысленно костеря себя за то, что испортил ей настроение.

– Да нет... Вы знаете, я, наверное, всё-таки расскажу. – Она пожала плечами. – Это как эффект попутчика, легче выговориться практически незнакомому гуманоиду, зная, что больше его никогда не увидишь...

«Стойте-стойте! – отчаянно захотелось закричать Себастьяну. – Я хочу пригласить вас на настоящее свидание, я хочу узнать вас ближе, вы мне так понравились...»

Но почти сразу же пыльным мешком по резонаторам пришло ясное осознание: «А ведь она до сих пор даже имени своего не назвала!»

– Я очень сильно хотела бы посмотреть другие Миры и попутешествовать по Федерации, но правда в том, что с тех пор, как я вышла замуж, я не могу покинуть Цварг.

– Замуж?... – растерянно пробормотал Себастьян. Только сейчас он обнаружил тонкий, едва заметный ободок из тусклого жёлтого золота на безымянном пальце красавицы.

Если до сих пор Касс чувствовал себя так, будто его огрели мешком, то внезапное откровение собеседницы стало сродни катастрофе. Гружённый надеждами и планами гравипоезд сошёл с воздушных рельсов и на полной скорости нёсся в бетонную стену.

– Да, я приняла предложение Мориса, едва мне исполнилось двадцать один, и забеременела в первый год брака. Сегодня мальчишкам исполнилось восемь.

«Почти что моя ровесница, и по меньшей мере двое детей».

Себастьян был готов поклясться, что слышит, как поезд влетел в стену и его вагончики расшвыряло металлическими ошмётками на несколько километров в округе.

Мужчина сглотнул слюну, напомнившую шипастый репейник. Как он мог так лихо прощаться? Нет, понятно, что цваргини в двадцать и тридцать лет внешне мало чем отличаются, но всё же...

Он внимательно взгляделся в лицо собеседницы. Его обманули тонкие запястья, трогательный ореол колышающихся на ветерке мягких волос и чувственные пухлые губы. Сейчас же, когда цваргиня стала говорить о супруге, вдруг отчётливо проступили глубокие морщины вокруг рта, а на дне тёмно-карих глаз отразился колоссальный жизненный опыт. Да и пышная мягкая грудь подходила, скорее, не фигуристкой молодой цваргине, а женщине, которая уже кормила.

— Первое время брак был ничего, но в какой-то момент мы с Морисом стали много ссориться. — Она помолчала и добавила: — Очень много. Я даже консультировалась у юриста насчёт развода, но мне ответили, что на Цварге это невозможно. Несколько лет назад мы с супругом сильно повздорили, а потому, когда он ушёл на работу, я на эмоциях побросала вещи в чемодан, взяла Ланса и Лотта за руки и отправилась в космопорт. Я хотела улететь куда-нибудь, лишь бы не видеть Мориса, и очень переживала, что пограничники не выпустят мальчишек за орбиту из-за отсутствия письменного согласия отца.

В ментальном фоне проступила яркая горечь.

— Как оказалось, детям, чтобы покинуть планету, достаточно иметь всего лишь одного ответственного взрослого в качестве сопровождения, а вот мне, вполне себе совершеннолетней и самостоятельной цваргине, запрещено улетать без визы Аппарата Управления и разрешения супруга. Это было в высшей степени унижительно!

Она вновь прикрыла глаза, но на этот раз уже не от удовольствия, а от плохо скрытых эманаций стыда.

— Вы не представляете, что там началось, когда сотрудники космопорта выяснили, что у меня нет соответствующих документов! Пришлось соврать, что я хотела улететь исключительно ради того, чтобы навестить бабушку Ланса и Лотта... Меня с детьми проводили до дома с помпой на флаерах Системной Полиции, будто я опасная преступница.

Она тяжело вздохнула и откинула с лица темную прядь, которую игривый ветер бросил ей в глаза.

Себастьян сидел и слушал, всё ещё с трудом переваривая слова «замужем» и «двое детей»... Неприятный комок разочарования саднил горло.

— Если вы поссорились с супругом, то я ему завидую, — наконец выдавил он из себя.

— Почему? — Карие глаза излучали удивление.

«Хотя бы потому, что он ваш супруг».

— Любая ссора — это проявление сильных чувств. Пускай вы в чём-то и не сошлись с ним, но это всё равно означает, что он вас любит.

— Не думаю. — Она покачала головой. — Мне кажется, он уже давно ко мне ничего не испытывает.

— Безразличие — вот истинная противоположность любви.

Орианн Мэрриш

— Безразличие — вот истинная противоположность любви.

Ни разу не встречаясь с Морисом, Себастьян пытался поддержать как мог, и это отозвалось неожиданной теплотой глубоко внутри. Я не знала, как реагировать. Совершенно незнакомый мужчина проявил сочувствие и заботу, которых я не видела от мужа долгие годы. Такие простые слова, а на сердце стало чуточку светлее.

«Каким же чутким и внимательным супругом станет Себастьян, когда встретит свою единственную...».

Что-то подсказывало, что этот цварг не из тех мужчин, кто будет обесценивать женский труд и ставить собственные желания превыше других, а ещё он будет заставлять её смеяться каждый день. Я поймала себя на зарождающейся зависти и задушила её на корню.

«Орианн, ты уже однажды сделала свой выбор. Цварг – не та планета, где женщинам даётся второй шанс».

– Я благодарна вам за беседу...

Хотелось добавить: «...И хорошее настроение, которого у меня не было уже очень давно», но в этот момент громкий басовитый окрик заставил вздрогнуть:

– Ориелла! Вот ты где! Какого блуждающего астероида тебя носит? Что ты здесь забыла? – Он стремительно приближался широкими размашистыми шагами, а хвост вспарывал дёрн, что говорило о крайней степени бешенства.

Я быстро вскочила и поскорее просунула мокрые лодыжки в босоножки, пока Морис не увидел, чем мы тут занимались. Конечно, ничего особенного, но кто знает, как муж отреагирует. Однажды он устроил мне выволочку за то, что, набегавшись за детьми, я присела на пластиковую скамейку в общественном месте.

«Со стороны выглядело так, будто ты приравниваешь себя к среднему классу. Отвратительно! Ты хотя бы раз видела, чтобы жена успешного мужчины сидела на какой-то вшивой лавке?!»

Я в принципе таких жён только по головизору при полном параде и видела, но промолчала.

Запыхавшийся от быстрого шага и красный Морис свернул с берега на деревянный настил.

– Неужели так сложно присмотреть за детьми хоть раз в жизни? Почему это должен делать я?! У меня вообще-то гости! Я же много раз тебе говорил, что связи пропускают туда, куда не пропускают деньги, – продолжал возмущаться супруг, но, к счастью, осёкся, увидев Себастьяна. – А это ещё кто?

Астробиолог бодро подскочил и протянул ладонь для рукопожатия.

– Вы, должно быть, Морис? Ваша жена о вас рассказывала. Очень приятно познакомиться. Себастьян Касс.

Морис прищуренным и не самым культурным взглядом окинул нового знакомого от макушки до пяток. Супруг задержал пристальный взгляд на витых рогах Себастьяна, очевидно мысленно делая пометку, что перед ним, скорее всего, чистокровный цварг, затем медленно осмотрел его футболку, трикотажные штаны и босые ноги. Я кожей ощущала, как у Мориса в голове включается оценочно-денежный счетчик, подсчитывающий, насколько дорого одет гуманоид перед ним и к какому классу общества принадлежит. Явно сделав неправильные выводы, Морис снисходительно фыркнул, но пожал протянутую ладонь Себастьяна.

– Морис Мэрриш.

Только сейчас, смотря на стоящих друг напротив друга мужчин, мне вдруг пришло в голову, что Касс ненамного младше супруга, просто существенно лучше выглядит: я ошибочно восприняла его подтянутую атлетическую фигуру и открытую белоснежную улыбку за признаки юности, но, вероятнее всего, он мой ровесник. Ожирение же Мориса и деловой костюм неподходящего, но очень модного красно-коричневого цвета накидывали ему минимум пару десятков лет. Не обращала я внимания и на дряблые щёки, и на появившиеся залысины на голове супруга. Последнее особенно сильно бросалось в глаза на фоне густого хвоста Себастьяна, который еле-еле сдерживал плетёный кожаный шнурок.

– Мышка, пойдём, дети очень хотят твоего внимания.

Я кивнула Себастьяну на прощание и поспешила домой.

Орианн Мэрриш

Близнецы не получили торта в виде истребителя, а потому решили по-быстрому собрать космический транспорт из подручных средств. В ход пошли кусок забора, ветки деревьев, старый мангал из сарая, несколько коробок для инструментов и черенков от садовых лопат. Ланс и Лотт совсем заскучали на собственном празднике, и всё это они умудрились пронести незаметно мимо взрослых на крышу пристройки для флаера.

Когда я пыталась выяснить, как так вышло, что за восьмилетками никто не присмотрел, оказалось, что Морис всё время проводил с приятелями, а его родня какое-то время поиграла с мальчишками, но уехала почти сразу же под предлогом того, что хочет отметить общий планетарный праздник – Коралловый День.

Я успела подбежать к близнецам ровно в тот момент, когда возбуждённый Лотт пытался столкнуть с крыши Ланса в самодельном истребителе и проверить, насколько получившееся транспортное средство хорошо летает. Я испугалась за детей до слёз. Уговорить мальчишек слезть с крыши и отказаться от затеи получилось с трудом.

Морис картинно пожурил сыновей, не желая выставлять себя в невыгодном свете перед важными гостями, зато вечером у нас разразился настоящий скандал. Муж зашёл в гараж и не на шутку психанул, поняв, что близнецы в процессе сборки «истребителя» поцарапали его драгоценный флаер, а ведь «успешные люди не ездят на помятых машинах».

– Ремонт выйдет кредитов в сто, не меньше! – сокрушался супруг, глядя на царапину, которую, на мой взгляд, и заметить-то было сложно.

– Морис. – Меня всё ещё трясло от пережитого. – Ты отец Ланса и Лотта. Поговори, пожалуйста, с ними, объясни, что так нельзя поступать. Если они хотят строить истребитель или ещё что-то, то должны его собирать, по крайней мере, с тобой.

– Вот ещё! – фыркнул муж. – Делать мне нечего, как из мусора собирать всякую чушь.

– Тогда купи им этот швархов торт в виде истребителя или игрушечный, но достаточного размера! – Меня проняло. – Ты понимаешь, что твой сын мог сегодня разбиться?!

Морис махнул рукой:

– Ну не разбился же, не перегибай палку. Даже если бы и прыгнул – что б Лансе-Лотту было? Там метра три – не больше, а он цварг.

«Ланс-е-Лотту».

Так Морис называл детей, когда точно не знал, кто перед ним. Близнецы злились, пытались доказать, что они две разных личности, но отец упорно называл их одним собирательным именем. Озарение снизошло внезапно.

– Твои родственники перепутали их имена? Ребята поэтому обиделись и решили играть в собственные игры?

Морис закатил глаза.

– Слушай, это ты во всём виновата, вообще-то! Одеда их одинаково, а теперь пытаешься обвинить в случившемся меня и мою двоюродную сестру. Да, пару раз, кажется, она перепутала их... Не знаю. Не уверен... Ладно, я спать – зверски устал. Не забудь, кстати, убрать салаты в холодильник, чтобы ничего не испортилось.

[3] ФОМ – Федерация Объединённых Миров. ↑

Глава 5. Профессор

Себастьян Касс

Встреча с Ориеллой Мэрриш перевернула в нём что-то вверх дном. Он планировал покинуть Цварг тем же вечером, но, на радость многочисленным родственникам, сообщил, что задержится ещё немного из-за работы.

В каком-то смысле так оно и было... Или, по крайней мере, Себастьян тщетно пытался убедить себя в этом.

Проблема заключалась в том, что он уже несколько лет исследовал взаимосвязь низкой рождаемости и особенностей расы и пришёл к теории, что дети в парах цварг-цваргиня появляются лишь при определённых условиях. До сих пор Касс выборочно проверял семьи, и все случаи лишь подтверждали гипотезу, но короткая беседа с Ориеллой заставила усомниться в собственных результатах.

Себастьян дозволился до контактного центра Планетарной Лаборатории и, как холостой цварг, оставил запрос на анкету Ориеллы Мэрриш. Мол, познакомился случайно, очень хочет проверить их на совместимость. Практически сразу сотрудник на другом конце линии с сожалением ответил, что цваргиня уже замужем и имеет двух детей. Он пересказал всё то, что Касс и так знал, но назвать адрес женщины отказался.

Себастьян вежливо поблагодарил и сделал ход конём – набрал риелтора и попросил прислать карту ближайших к озеру поместий, якобы желая купить собственную землю недалеко от родового гнезда Кассов. Риелтор перезвонил вечером того же дня и, рассыпаясь в извинениях, сообщил, что ничего на продажу у этого водоёма нет, но есть на семьдесят километров северо-западнее... Себастьян сделал вид, что расстроился, но уловкой заставил риелтора выслать копию карты местности, а на ней обнаружил уже знакомую фамилию. Теперь он знал, что они с Ориеллой соседи, дойти до неё можно пешком за полчаса, а на флаере или гравийке – так вовсе за пять минут.

Целый день он накручивал круги вокруг той деревянной пристани и думал, что хочет вновь увидеть Ориеллу.

«И что ты ей скажешь, дружище? – насмешливо фыркнул внутренний голос. – “Я почувствовал к вам притяжение с первого взгляда, но так как вы уже замужем, не дадите ли вы немного крови на исследование?” Себастьян, забудь о ней. Она не для тебя».

«Не для меня, – внутренне согласился. – Но это не означает, что моя теория о деторождении на Цварге вышла из-под удара. Мне нужно больше данных для исследований».

«Значит, ищи их и забудь об этой цваргине».

Себастьян тяжело вздохнул и в который раз за проезд набрал номер администратора Планетарной Лаборатории. Густав Гарсия определённо являлся самым неуловимым цваргом из всех известных Кассу. Никто не знал, как он выглядит и где живёт, Себастьян и имя-то его узнал случайно, доконав секретаря звонками.

– Здравствуйте. Приёмная администрации Планетарной Лаборатории. Если вы звоните по поводу внесения изменений в личную анкету или назначения свидания с цваргиней, перевожу вас по номеру контактного центра... – забубнил знакомый Себастьяну голос, и он тут же вклинился:

– Погодите! Стойте! Мне действительно надо поговорить с господином Гарсия!

– По личным вопросам, пожалуйста, набирайте его личный номер.

– Я бы с удовольствием, но у меня его нет.

– У друзей и родственников господина Гарсия есть его номер, – упрямо ответил Уилл Роббинсон, личный секретарь главного администратора Планетарной Лаборатории, очевидно

намекая, что звонящий к этой категории не относится. – Разглашать эту информацию я не имею права, извините. Всего доброго.

– Господин Роббинсон, подождите, пожа-а-алуйста! У меня очень важное дело! Это Себастьян Касс, профессор астробиологии и межгалактической генетики. Я звонил вам на этой неделе несколько раз. Если нет возможности назначить личную встречу с администратором Лаборатории, то, возможно, вы передадите для него аудиосообщение?

– Господин Касс... – раздражённо ответил секретарь, явно проглотив конец фразы. – Если вы снова о том, что якобы придумали теорию низкой рождаемости и объяснение текущей демографической яме...

– Но так и есть! – не смог не вставить Касс.

– Так вот, у нас каждый месяц образуется какой-нибудь профессор, доктор или любое другое светило науки, готовое за небольшую услугу объяснить все-все проблемы планетарного масштаба, которые по необъяснимым причинам самая крупная государственная организация не может решить уже несколько столетий! – Голос Уилла так и сочился сарказмом. – И – какая неожиданность! – абсолютно все так называемые учёные хотят получить контактные данные приглянувшихся им цваргинь. Не находите ничего подозрительного?! Мы не разглашаем информацию о гражданах!

– Но... я действительно профессор, – пробормотал Себастьян упавшим голосом. Как ему объяснить, что он не мошенник и работает над этой проблемой вот уже без малого десять лет?! – Хотите, я вышлю инфосетью копии сертификатов?

– Господин Касс... – На том конце связи тяжело вздохнули. – Вы ведь звоните уже не первый раз...

«Четвертый».

– Разумеется, я пробил по вам всю информацию. Ректор юнисского филиала выслал даже лично рекомендательное письмо на ваш счет...

«О, не знал, что Грегори вообще интересуется моими исследованиями. Вот уж кто всегда делал вид, что проблемы цваргов его не касаются нисколько... Может, студенты ему уши прожужжали?»

– ...и заверил, что вы один из лучших преподавателей биологии в Академии. Но тем не менее ваша просьба относительно передачи медицинских данных тысяч семей, а также замужних и незамужних цваргинь и их контактов для личных встреч выглядит вопиющим нарушением правил работы с личными данными. Вы это понимаете?

– Но у меня есть теория насчёт рождения детей! Она подтверждается всеми случаями, которые я знаю лично, но, если я приду с этим, меня никто не захочет и слушать, скажут – нерепрезентативная выборка – и будут правы. Мне нужно больше информации, чтобы подтвердить или опровергнуть гипотезу.

Роббинсон вновь тяжело вздохнул. Какое-то время на той стороне связи царила тишина. Затем секретарь неожиданно предложил:

– Вы очень настойчивы, Себастьян, не могу не восхититься. К сожалению, всё, что я могу предложить, – это информация о пяти-десяти семьях, которые предварительно сами дадут согласие...

– Меня устраивает! – быстро воскликнул Себастьян.

Даже несколько семей в его случае – это лучше, чем ничего. Глядишь, со временем и получится составить выборку, отражающую ситуацию расы.

– Но мне потребуется от вас услуга.

– Услуга? – Касс так обрадовался новым данным, что не сразу понял, чего секретарь от него хочет.

– Да... вы же профессор астробиологии... а тут один из школьных преподавателей начальных классов схватил острую бета-недостаточность и был срочно госпитализирован. Мне

поступил запрос на замену, а я не могу никого подобрать. Могу ли я попросить вас провести несколько уроков?

Себастьян Касс

На Цварге, как и в любом развитом Море, мальчики и девочки учились вместе, если не считать отдельных занятий для юных леди о правильном контроле собственных бета-колебаний. Давно доказано, что умственные способности не зависят ни от пола гуманоида, ни от веса мозга, который у мужчин среднестатистически выше, чем у женщин. В первую очередь, они коррелируют с количеством, качеством и степенью развития нейронных связей, но всё же когда Касс зашёл в класс, то изумился.

В просторной комнате за стандартными партами в виде половинок кругов сидело двадцать пять мальчиков и всего три девочки, которые выделялись на общем фоне яркими платьями.

«Даже на занятиях в Академии Космофлота, куда традиционно стремятся балбесы мужского пола, девушек всё равно больше!»

Себастьян покачал головой, делая мысленную пометку, что на исторической родине процентное соотношение рождаемости мальчиков и девочек в последние годы совсем ужасное, что удивительно, ведь на Юнисии, по его немногочисленным данным, оно было практически пятьдесят на пятьдесят.

Откашлявшись, профессор начал урок:

– Здравствуйтесь, сегодня буду вести замену. Меня зовут Себастьян Касс, я профессор астробиологии и межгалактической генетики. Сегодня я расскажу вам об особенностях наших организмов...

– У-у-у... – послышался недовольный гул по аудитории. – Скукота-а-а...

– Ой, да чего мы там не знаем...

– Скорей бы господин Кианз вернулся, с ним жуков весело рассматривать.

Собираясь на лекцию, Себастьян прекрасно понимал, что между уроком для кадетов Космофлота и уроком для третьеклассников пролегает огромная пропасть и в первую очередь ему придётся поработать над вниманием юных слушателей. Именно поэтому он прихватил с собой и расположил небольшую конструкцию на центральном учительском столе: толстый цилиндр-проводник, тонкий листок из металла сверху, и всё это заключено в полупрозрачную сферу. Когда-то именно с помощью такой конструкции его отец – Север Касс – объяснил, как работает сфера вокруг звезды Соло.

Мысленный импульс – и металлический листок поднялся в воздух.

– Ва-а-ау!!! – Неприкрытый детский восторг пронёсся по всем рядам. – Как вы это сделали? Как?! Вы волшебник?! А что вы ещё умеете?!

Себастьян улыбнулся. «Вот теперь они точно будут слушать».

– Нет, не волшебник. Я лишь воспользовался особенностью нашей расы. К концу урока вы тоже так сможете, если очень-очень захотите.

Вверх взметнулась ручка в цветастом рукаве с узором из полевых цветов.

– Да?

– И я тоже так смогу?

Юная цваргиня была очень красивой в свои восемь лет, и чувствовалось, что, когда она вырастет, разобьёт не одно сердце, но чего у неё не было – так это резонаторов, а значит, послать волну бета-колебаний, чтобы активировать электромагнитный контур, она не сможет.

– Увы, мисс, боюсь, что нет. – Себастьян смущённо развёл руками. – Я использовал простейшие волны, которые создал сам. – Он указал на рога.

Девочка шумно и разочарованно вздохнула:

– Ну вот всегда так! Мальчишкам всё, а нам ничего.

Класс зашептался, слышались ехидно-радостные «это потому, что мы лучше». Профессор лишь покачал головой, видя, как радуется один из третьеклассников. Мальчик явно ещё даже не представлял, что, когда вырастет, найти жену станет для него очень сложной задачей хотя бы потому, что женщин на планете в разы меньше, чем мужчин, и это они выбирают анкеты кандидатов для свиданий в первую очередь. А мужчине только и остаётся – принять приглашение и постараться понравиться или отклонить, если девушка совсем несимпатична. Случается и такое, что цваргу за десять лет может прийти лишь одно предложение о встрече, а может и вовсе не прийти. Самим Себастьяном к его тридцати пяти годам интересовалось одиннадцать девушек, по меркам Цварга – колоссальное количество. Тот факт, что племянник не согласился на второе свидание ни с кем из цваргинь, повергал Стефана и Софоса в лёгкий шок, они старательно обходили эту тему.

– Итак, дети, кто мне расскажет, чем цварги отличаются от граждан других Миров Федерации? – задал профессор первый вопрос, чтобы иметь представление, как много им рассказывали родители.

Мальчик в синей клетчатой рубашке торопливо поднял руку.

– Можно я?

– Да. Только представься, пожалуйста.

– Меня зовут Том. – Он деловито кивнул и с важностью потрогал пока ещё совсем небольшие чёрные наросты над висками. – У нас есть рога! Благодаря им мы можем улавливать из воздуха эмоции, а другие не умеют. Обычно это вкусно!

Я поощрительно кивнул. Если ему «вкусно», это значит, что в его семье царит гармония, а родители постоянно испытывают положительные эмоции и ментально не запираются от сына. Скорее всего, у Тома развилась хорошая чувствительность для его возраста.

Мальчик задумался.

– Ещё папа говорит, что, когда я вырасту, у меня рога станут больше и тогда я тоже смогу вот так пускать волны в обратные стороны. Только это вроде как запрещено, и я не совсем понял, зачем это надо.

Он с подозрением покосился на колебательный контур.

– Всё верно. – Себастьян одобряюще улыбнулся и задал наводящий вопрос: – Ещё какие-то добавления?

Класс озадаченно зашумел: «А что, это разве не всё?» – а та самая девочка, которая подняла руку первой, вдруг встала из-за парты:

– Ещё у мальчиков есть противный длинный хвост, которым они размахивают и ставят подножки. Мама сказала, что, когда они вырастут, у них там острый шип будет, но сейчас я даже руками погнуть могу остриё у Конста. А, да, и в справочнике всегда пишут, что у цваргов быстрее всё заживает. Кстати, я Мари-Эн.

Себастьян кивнул, подтверждая слова юной цваргини.

– Всё верно, дети. Вы назвали основные отличия нашей расы от других граждан Федерации... – начал он, поворачиваясь к доске, но тут его перебили:

– А наш отец говорит, что сиреневый цвет кожи – самая важная черта чистокровных цваргов!

Профессор стремительно обернулся в сторону говорившего и столкнулся взглядом с двумя парами абсолютно идентичных глаз. Близнецы, вопреки одиночной рассадке, сидели за одной партой-полукругом и внимательно смотрели на преподавателя – будто взвешивали и ожидали чего-то... Явно провоцировали.

– Как вас зовут?

– Ланс. Лотт, – прозвучало хором, и, не сосредоточясь Касс на лицах детей, не успел бы разобрать, который из них Ланс, а который Лотт.

– Уважаемые...

Ему хотелось повторить «Ланс и Лотт», но он почувствовал, что два имени сольются в одно «Ланс-е-лотт», а из общения с дядями он прекрасно знал, что это самая непростительная ошибка, которую можно допустить по отношению к близнецам. Как бы одинаково они ни выглядели и ни вели себя, это две разных личности. Собирательное слово в данном случае – это проявление неуважения.

Касс кашлянул.

– Уважаемые Лотт и Ланс, задавая вопрос, я подразумевал функциональные отличия цваргов от представителей других рас. Цвет кожи, как и глаз или волос, не относится к этим признакам, хотя, безусловно, в обществе чертам внешности придают большое значение. На мой взгляд – чересчур большое. Это понятно?

Близнецы переглянулись и растерянно кивнули. Дождавшись тишины в классе, мужчина продолжил:

– Итак, возвращаясь к разговору о резонаторах... Каждое живое существо, будь то мышка, кролик, тигр или полностью разумный гуманоид, имеет мозг. Когда мы думаем или испытываем эмоции, наш мозг испускает колебания определённой частоты. Рога-резонаторы цваргов улавливают эти бета-колебания и, по сути, питаются ими. У нас, цваргов, двойная система питания. Помимо натуральной пищи в виде каши, мяса или овощей цваргам необходимо кушать ещё и ментально. Резонаторы растут на голове, тесно связаны с мозгом и рецепторами обоняния, а потому мы отличаем эмоции на вкус, ведь каждая эмоция имеет свою частоту и длину. Это понятно?

Привычка останавливаться в процессе лекции и задавать аудитории вопросы, чтобы она не заснула, плотно укоренилась за годы преподавания в Академии.

Класс загудел.

– А у девочек нет рогов! Получается, у них одинарная система питания?

– Я слышал из разговоров учителей, что у господина Кианза бе-та-не-дос-та-точ-ность. – Мальчишка старательно выговорил незнакомое слово по слогам. – Это значит, что он голодный? Он покушает и вернётся вести биологию, да? А накормить сосисками нельзя?

Он грустно усмехнулся.

«Выходит, не так уж и много родители рассказывают детям об особенностях расы, уповая на школьное образование. Жаль, всё-таки есть вещи, которые сыновья и дочери должны узнавать от тех, кому доверяют, но лучше они узнают это от меня, чем узнают слишком поздно».

– Да, у девочек нет рогов, а следовательно, одинарная система питания. У мальчиков... всё сложнее. Поглощённые эмоции могут временно заменить обычное питание, но не наоборот. Дело в том, что взрослые цварги постоянно питаются разлитыми в воздухе эмоциями. Это происходит само собой, без нашего ведома или желания – например, мы все дышим и не обращаем на это внимания, так же и тут. Пока вам всего лишь восемь лет, только у некоторых проклюнулись рога, и они способны усваивать небольшой диапазон бета-колебаний...

– О, это как моя мама даёт брату овощное пюре с ложечки и говорит, что мясное пока рано, он не усвоит, – вставил Том.

Себастьян серьёзно кивнул, делая мысленную заметку, что было бы неплохо узнать фамилию ученика и пообщаться с его родителями. Двое детей в семье, старший уже распознает бета-колебания – определённо, занятый случай и идеально подойдёт для исследований. Он даже не представлял, что, соглашаясь на работу школьного преподавателя биологии, получит столь полезную информацию. Он продолжил:

– С ростом и развитием резонаторов цварги улавливают более тонкие и редкие колебания, расширяют свой диапазон. У каждого мужчины рога начинают расти в возрасте от шести до четырнадцати лет, а полное формирование органов может закончиться как к тридцати, так и к пятидесяти годам. Но, так или иначе, уже в двадцать вы сможете улавливать многое... В

этом возрасте мы активно питаемся из ментального фона и усваиваем почти всё – и овощи, и мясо, и мороженое, и конфеты.

Касс улыбнулся сравнению Тома с едой.

– От поглощённых чужих бета-волн у нас в крови вырастает уровень бета-частиц, мы насыщаемся. Но со временем случается так, что мы находим кого-то резонирующего, чьи колебания нам нравятся особенно сильно. В таких случаях организм постепенно перестраивается на поглощение только этих волн, мы привязываемся к девушке. Это ещё называется «войти в ближний круг». Если источник усваиваемых бета-колебаний удаляется от цварга, то он начинает серьёзно голодать, а продолжительный голод может привести к острому приступу бета-недостаточности. Так что в случае господина Киянза, увы, сосиски не помогут. Ему нужен его источник.

«Вообще, вряд ли ему что-либо поможет, если ему более ста пятидесяти лет. Там привязки настолько сильные, что цварги скорее умирают... но детям это знать пока рано».

– Но я уверен, что в клинике ему помогут и поставят на ноги, – торопливо добавил Себастьян, почувствовав всеобщую оторопь.

– То есть получается, что быть девочкой даже лучше, чем мальчиком? – До сих пор молчавшая Мари-Эн внезапно подала голос, и класс буквально взорвался спорами и криками. – Можно вот так случайно привязаться и умереть от голода?!

– Ребята-ребята! – Профессор похлопал в ладони, чтобы привлечь всеобщее внимание. – Привязаться случайно нельзя. Это происходит с согласия самого обладателя резонаторов.

– Откуда вы знаете? – тут же послышался вопрос, но уже со стороны одного из близнецов.

«Оттуда, что именно поэтому девочек учат приглушать ментальный фон, а на интимные отношения с цваргинями до брака на Цварге табу. Мужчина может вылететь на Тур-Рин и снять себе ночную бабочку на ночь, но повторяться вряд ли станет... Чем чаще цварг пробует и чувствует эмоции женщины, тем больше шансов, что она войдет в его ближний круг. Секс как кульминация эмоциональной разрядки и физических прикосновений женщины способствует этому. Но вы ещё слишком маленькие, чтобы это вам рассказывать».

– Знаю, – отрезал Касс, не вдаваясь в подробности. – Мы не выбираем, кем рождаться, мы такие, какие есть. Да, цварги, в отличие от цваргинь, обладают резонаторами и хвостами, но если вы читали сказки, то должны знать, что рога даны мужчинам, чтобы лучше понимать женщин, а хвост – чтобы что?

– Защищать, – послышался нестройный хор детских голосов.

Себастьян удовлетворённо кивнул: хотя бы сказки читают, и то хорошо.

– А теперь – кто интересовался фокусом с магнитно-колебательным контуром? Кто хочет попробовать себя в роли волшебника? Мальчики, выстраиваемся в очередь. Девочки – можете занять места рядом со мной и посмотреть, что получится у ваших одноклассников.

Послышался топот многочисленных ног; пихаясь и толкаясь, мальчишки спешили занять первые места. Занятое дело, но близнецы Ланс и Лотт, а также Том в клетчатой рубашке осознанно встали в очередь последними – Себастьян отметил это лишь краем глаза. Мари-Эн и две её подруги уселись напротив, приготовившись смотреть шоу. Профессор объяснил детям, что поглощение бета-волн – лишь часть функций резонаторов, ещё одна важная их составляющая – умение их генерировать.

– Да, в Федерации запрещено насыщать эмоции на других гуманоидов. Но на предметы-то можно! Вот перед вами электромагнитный контур, и вы можете попытаться его включить. Надо лишь сосредоточиться, подумать о чём-то хорошем и послать нужную волну...

Как он и ожидал, запустить механизм получилось у меньшинства: у кого-то из детей резонаторы ещё не проклюнулись, кто-то не мог сформировать волны, кто-то не понимал, что от него требуется. Но нескольким мальчишкам удалось поднять металлическую пластину в воздух на две или три секунды, и в глазах друзей они явно поднялись на целую ступеньку выше.

Себастьян молча радовался, что дети не впали в истерику и быстро переключились с опасной темы привязок на нейтральную. Том умудрился сгенерировать правильные бета-колебания и продержал контур активированным дольше всех, а вот близнецам Лансу и Лотту не удалось этого вовсе. Разумеется, они расстроились, да так сильно, что это отразилось на их ментальном фоне.

Прозвенел звонок с урока – дети шумно засобирались домой.

– Вот вырасту и научусь запускать и этот дурацкий контур, и вообще эмоции на девочек оказывать. Вон Мари-Эн в меня влюбится и будет трогать мой хвост, а не Конста, – пыхтя и закрывая портфель, вдруг сказал один из близнецов.

– А я бы на маму хотел наслать эмоции, чтобы она улыбалась чаще, – буркнул его брат.

Если бы Себастьян за ними не наблюдал, то и не услышал бы этого разговора. Слова детей заставили напрячься. Когда они полностью собрались, Касс словно невзначай увязался за ними.

– Лотт, Ланс, вы же слышали, что я сказал, что нельзя влиять на эмоции других гуманоидов? – строго спросил ребят, когда они вышли в коридор.

Оба парня вздрогнули и с недоверием обернулись. Очевидно, они не услышали, что преподаватель вышел за ними, а по бета-фону ещё не научились этого делать.

– Ну почему нельзя-то? Дома вон если проверить, то никто не узнает, – тихо, но уверенно произнёс тот из мальчиков, кто очень хотел обрадовать маму.

– И вообще, я видел по головизору, что на преступников можно воздействовать! А также доки лечат пациентов резонаторами.

– Ваша мама преступница или она чем-то больна, а ты хочешь получить образование дока? – требовательно уточнил я.

Мальчишки переглянулись, словно ища поддержки друг у друга.

– По головизору говорили, что главная опасность применения бета-колебаний – это вероятность случайно спалить мозги в кашу. Но если воздействовать аккуратно, как доки, ну и место выбрать, чтобы никто никогда не узнал и не почувствовал... – протянул один из них, словно размышляя.

Себастьян покачал головой, озабоченно размышляя, что биология биологией, но ведь должен же кто-то объяснять детям морально-этическую сторону вопроса! Обычно на такие деликатные темы отцы беседуют со своим сыновьями. Мужчина хотел попытаться донести до мальчишек, что то, что они задумали, плохо, но в этот момент вся троица вышла на улицу и среди общего ментального фона разнообразных эмоций Себастьян вдруг почувствовал знакомый кружащий голову аромат сирени.

Она будто сказочное видение стояла недалеко от пропускного пункта для родителей, а короткие волосы развевались на ветру и обнажали тонкую шею. Солнце запуталось в тёмных прядях, а кожа мерцала золотым светом изнутри. Строгое пепельно-серое элегантное платье по колено обволакивало её фантастическую фигуру и ничуть не портило образ, хотя что-то воздушное и лёгкое пошло бы Ориелле больше. Взгляду открывались обнажённые изящные икры, словно у примы балета, острые косточки на лодыжках и тонкие щиколотки, обутые всё в те же знакомые босоножки. Цваргиня теребила миниатюрную сумочку универсального чёрного цвета и, прищурившись, вглядывалась в выходящих из школьных дверей учеников. Внезапно её лицо озарила ослепительно-тёплая улыбка.

Говорят, у цваргов не бывает инфарктов, но сердце Себастьяна совершенно точно в этот миг пропустило удар. Он улыбнулся в ответ и помахал рукой.

– Мама, мама!

Ланс и Лотт бросились со всех ног к неземному видению, а Касс в который раз ощутил себя идиотом.

«Она улыбалась не тебе, кретин! Она детей из школы ждала», – пришло запоздалое понимание. Он торопливо опустил руку, делая вид, что поправляет свитер, но обнимающая детей женщина перевела взгляд и заметила недавнего знакомого. Удивление её оказалось столь велико, что отразилось в ментальном фоне.

– Себастьян? А что вы тут делаете? У вас тоже есть дети?!

В последнем вопросе проскользнула странная терпко-горьковатая нотка, но не успел Касс её как следует распробовать, как она растворилась в ровных бета-колебаниях с цветочным благоуханием.

– Нет, у меня нет детей, – ответил он, вновь улыбнувшись. – Я заменял коллегу, проводил урок биологии.

– О-о-о, – протянула Ориелла, – так вы школьный учитель? Ланс и Лотт не сорвали вам урок? Некоторые учителя жаловались, что их невозможно уговорить.

– Мам, ну ты что! Нормально мы себя ведём! – возмущённо заявил один из мальчиков.

– Господин Касс вообще-то не простой учитель, а профессор астробиологии и межгалактической генетики! – тут же с важностью добавил второй ребёнок, чем ввёл обоих взрослых в состояние лёгкого конфуза.

Себастьян никогда не любил бравировать профессорской степенью и был поражён, что мальчишка запомнил и выговорил всё верно; а щёки Ориеллы Мэрриш окрасились лёгким румянцем, потому что она представить себе не могла, что молодой мужчина, которого она встретила у озера в спортинках и футболке, **целый** профессор! Будучи женой шофёра, она преклонялась перед людьми с высшим образованием, которые добились немалых высот собственным умом.

– Ну что вы, госпожа Мэрриш! – первым опомнился Себастьян. – Ваши дети чудесно себя вели на уроке и задают очень правильные вопросы. Я буду рад поделиться с ними всеми знаниями, которые они усвоят.

– Я... очень благодарна. Правда. – Дивной красоты видение улыбнулось и смущённо переступило с ноги на ногу как тонконогая газель. Цваргиня несколько секунд стояла в нерешительности, словно хотела продлить разговор, а затем еле заметно отрицательно мотнула головой и взяла за руки обоих сыновей. – Приятно было увидеться, господин Касс.

Глава 6. Дети и жуки

Орианн Мэрриш

Я чувствовала себя странно, после встречи с Себастьяном Кассом любая вещь напоминала мне о молодом и улыбчивом профессоре.

Обычно я не обращала внимания на мужчин, классифицируя их как «очень важные гости мужа». Супруг не любил, когда я появлялась в зале, если у него очередная «мужская встреча». Он искренне переживал, что если я буду разносить напитки, то эти самые друзья быстро догадуются, что никакой прислуги у Мориса в помине нет. С одной стороны – унизительно, с другой – мне на руку, ведь так я могла спокойно проверить домашнее задание Ланса и Лотта и уложить их спать.

Приятели мужа имели значение не большее, чем стол или стул, с той только разницей, что они раздражающе реагировали на болезненную любовь Мориса сорить деньгами и охотно поощряли его всякий раз, когда он делал широкие жесты: например, нанимал кейтеринговую компанию, которая угощала миттарскими устрицами и розовым шампанским добрую сотню почти незнакомых гуманоидов. Сомнительно, что хоть один из всей оравы приглашённых догадывался, что милые зелёные кустики в конце участка высажены не для красоты – это настоящая картошка. Её я посадила однажды поздно вечером, когда поняла, что после очередного кутежа Мориса детей просто нечем кормить. К счастью, у меня получилось договориться со школьным поваром, чтобы целую неделю им давали двойную порцию еды, самой же пришлось придерживаться вынужденной диеты. С тех пор я подсознательно враждебно относилась к мужчинам в дорогой одежде, потому что они ассоциировались с инфантильным поведением Мориса. Да и в целом цварги обычно вызывали у меня лишь раздражение.

Себастьян Касс запомнился со встречи на причале: подтянутый легкоатлет с фантастически синими, словно бездонный океан, глазами, витыми обсидиановыми рогами, широкой белоснежной улыбкой, в спортивной форме и дорогой обуви. Я ошибочно предположила, что это чей-то богатенький избалованный отпрыск, привыкший пускать пыль в глаза, а тут выяснилось, что он профессор! Только подумать... Как вообще в таком возрасте можно стать профессором?! И сколько ему лет? Я-то наивно полагала, что старше его... Он что, в колледж попал в четырнадцать? Интересно, а возьмут ли меня на архитектурный факультет, если я сдам вступительные, или тридцать – это уже поздно?

Мысли вновь скакнули. Память подкинула вид Себастьяна с аккуратно собранными в мужскую косу-жгут волосами, в повседневных джинсах и свитере широкой крупной вязки в образе школьного учителя, и я невольно улыбнулась. Ему шло. Действительно шло... Молодой мужчина выглядел уверенным в себе, но при этом уютным и тёплым, а необычная для Цварга причёска придавала изюминку. Впрочем, Себастьян сам был изюминкой, стоило вспомнить, как влажная от пота футболка плотно облепляла рельефный сухой пресс и выпуклую грудь. Свитер прятал потрясающую и совсем не профессорскую фигуру.

По дороге домой Ланс и Лотт взахлёб и перебивая друг друга рассказывали о «необычной летающей штуковине», которую им показал профессор Касс на уроке и объяснил, что если они научатся пользоваться резонаторами, то и у них будет получаться такой фокус.

– Оказывается, иметь резонаторы – это весьма круто! – заявил Ланс.

– Да, только если не привязаться к какой-нибудь девчонке, которой ты нафиг не нужен, – помрачнел Лотт. – Тогда умрёшь. Звучит не очень.

– Профессор Касс утверждал, что если не хочешь, то не привяжешься, – заспорил младший из близнецов.

– Хм-м-м... Мам, а что ты скажешь?

Две пары одинаковых тёмно-карих глаз с требовательным интересом уставились на меня, а я осознала, что понятия не имею, как отвечать на вопросы сыновей – у меня-то нет резонаторов!

– Я думаю, что господин Касс не стал бы врать, – ответила, тщательно подбирая нужные слова. У детей выборочная память, и порой неаккуратно брошенные фразы они могут запомнить на долгие годы. – И если профессор говорит, что цварг при отсутствии желания не сформирует ментальную привязку, то значит, так оно и есть.

«Ну, а на крайний случай на Цварге невозможно развестись, если мужчина не хочет, но вам об этом знать пока не стоит...».

Дети пообедали и убежали делать уроки, а я принялась убирать дом и готовить ужин, который прошёл так же незаметно, как и обед, разве что Морис пришёл раньше обычного и постоянно требовал подать ему то соль, то перец, то налить соку, то положить добавку. Если обычно поведение супруга а-ля «обслужи меня, я устал после работы» бесило, то сегодня без лишних эмоций я выполняла всё, что он просил.

Пока я ставила посуду в посудомоечный шкаф, супруг подошёл и внезапно потёрся эрекцией прямо через двойную ткань – его штанов и моего платья. Огромная лапень по-хозяйски задрала юбку и неприятно сжала бедро:

– Дорогая, ты сегодня так необычно пахнешь... м-м-м...

Я резко вынырнула из размышлений, выпрямилась и шлёпнула мужа по руке. Больше Морис не касался меня своей эрекцией – лишь внушительным пузом, которое нависало над ремнём.

– Ты что делаешь?! А если дети увидят? – зашипела на супруга, стремительно одёргивая подол платья.

Ланс и Лотт только-только вышли с кухни.

– Скажем, что делаем им давно желанную сестричку, – прохрипел Морис в ухо. – Я чувствую, что я бы тебе сейчас вдул как следует... Натянул по самые яйца! Они у меня лопаются от вида твоего упругого бампера, когда ты нагибаешься.

Меня замутило от того, что муж может попытаться склонить к интиму, а уж от мысли, что мне даже на Эльтон не вырваться, чтобы поставить противозачаточный имплантат, к горлу подступила тошнота.

Я провернулась в кольцо жёстких рук Мориса и почувствовала характерное амбре, хотя взгляд мужа был абсолютно сконцентрированным – видимо, организм цварга уже переварил спирт.

– Ты пил, что ли?

– Да, и что? – с вызовом ответил муж. – Ты же видишь, я трезвый, как муассанит[4] лучшей огранки! Итак, пойдём в твою спальню или мою? – Он ухватил меня покрепче, от чего пуговица на его пиджаке болезненно впилась мне в район солнечного сплетения.

– Я не хочу, – пробормотала тихо, ожидая вспышки гнева.

«Может, если не злить и не напоминать про развод, то он отстанет и всё вернётся в обычное русло, когда он удовлетворяется на стороне?»

Мориса перекосило от «не хочу», но он отпустил меня, выругавшись себе под нос.

– Ну вот, от тебя снова стало пованивать. О чём ты думала за ужином?

«О мужчине, который никогда бы не произнёс такие слова, как “заделал”, “натянул” и “бампер” по отношению к женщине».

– Гм-м-м... – Я отстранилась от Мориса настолько, насколько возможно, выбрала программу стирки на посудомойке и вытерла руки о вафельное полотенце, собираясь с мыслями. – Я размышляла о том, что, когда переехала с Эльтона, бросила колледж. Потом была сложная беременность...

Морис демонстративно закатил глаза.

– Давай уже быстрее. Когда я спрашивал, о чём ты думала, я не имел в виду, что мне это интересно. Я просто хотел, чтобы ты подумала о том же самом.

Я торопливо кивнула.

– Как ты смотришь на то, чтобы я снова пошла учиться в колледж на архитектора?

– Зачем это?!

– Мне хотелось бы получить образование...

– Чтобы потом работать девочкой на побегушках на какой-нибудь фирме? Ну уж нет. Моя жена этим заниматься не будет! Да меня все на смех поднимут! Скажут, будто я не способен обеспечить семью. А я, между прочим, редкий специалист по логистическим операциям!

«А ты и не способен, – с неожиданной злостью подумала. – Это государство даёт дотации на Ланса и Лотта, и мы живём на них».

– То есть то, что твоя жена драит трёхэтажный дом с утра до вечера, – это достойно, а офисная работа – нет? – не выдержала я.

– Пф-ф-ф, – фыркнул Морис, пренебрежительно махнув рукой. – Да какая это работа? Я тебе робота-уборщика подарил.

«Ага, на рождение сыновей. И твои родственники умилялись, какой ты заботливый».

– Восемь лет назад, и тогда у нас была ещё небольшая двухкомнатная квартира. Чтобы этим роботом убрать всю территорию поместья, мне приходится наклоняться, заменять аккумулятор, фильтры и воду столько раз, что вымыть полы руками проще. Я даже не говорю, что он тяжёлый настолько, что поднять его по лестнице – как сходить в спортзал.

– Ну вот, считай у тебя ещё и бесплатный фитнес, – широко оскалился Морис. – Что же ты такая неблагодарная, а, мышка-глупышка?

Вдох. Выдох.

– Я не люблю, когда ты меня так называешь.

– А я не люблю, когда ты отказываешь в постели. – Морис снова недвусмысленно положил руку на поясницу и потёрся. Слава Вселенной, на этот раз только животом. – Но так и быть, я готов обдумать разрешение на учёбу, если прямо сейчас ты раздвинешь ноги и будешь стонать так, как стонала в наш первый раз.

К счастью, от ответа меня избавил Ланс, вбежавший на кухню.

– Пап, мам, там Лотт задумал какую-то ерунду в моей комнате, а я ему говорю, что дырка в полу мне не нужна!

Я перевела растерянный взгляд на мужа:

– Морис, ты так и не поговорил с сыновьями?!

Он вновь пренебрежительно возвёл глаза к потолку.

– Какого шварха этоя должен делать?! Почему ты не можешь им сказать, чтобы они прекратили хулиганить?!

«Потому что это и называется отцовством. А заделать детей может каждый».

Морис сделал замечание детям в излюбленном виде: мол, он-то понимает, что они растут будущими мужиками, но трусливая мама против опасных экспериментов в доме. У меня закончились силы спорить, что нельзя подрывать авторитет второго родителя и так общаться с сыновьями, их надо воспитывать и доступно объяснять, почему нельзя делать те ли иные вещи. Супруг лишь отмахнулся:

– Они ещё мелкие, вон наросты резонаторов только-только появились. Восемь лет, я тебя умоляю. Вот будут постарше, тогда и поговорю с ними по-мужски.

Чувствуя себя вымотанной и выжатой досуха после физически сложного дня и очередного неприятного разговора с Морисом, я рухнула в постель, а проснулась... от настойчивых толчков в бока.

– Мам-мам, проснись! Ну, ма-а-ам!

Я еле-еле разлепила глаза и бросила взгляд на коммуникатор. Два часа ночи.

– Что-то случилось?

Полностью одетые и сосредоточенные Ланс и Лотт сидели по краям матраса. У обоих в руках находилось по стеклянной литровой таре.

– Мам, слушай, папа сказал, что **фигню** можно делать только со взрослыми.

«Морис, неужели нельзя было объяснить детям всё нормальными словами?!»

– Правильно он сказал. Только не «фигню», а необычные занятия.

– Так вот, мы собрались на улицу. Сегодня ночь, когда у жуков-роговиков рога светятся! Их можно поймать в банку.

– Зачем вам это? – Я приподнялась на локте, чувствуя, что невыносимо хочется спать.

– Ну как же?! Это же так здорово! Светящиеся рога! Надо это изучить! А вдруг у нас, цваргов, они тоже могут светиться, а мы не знаем? Учитель Кианз хотел про жуков рассказывать на вчерашнем занятии, и если бы он не заболел, то мы точно роговиков изучали бы!

– Лотт, Ланс, это всё хорошо, но сейчас ночь на дворе. Куда вы пойдёте за жуками? Я уверена, что господин Кианз ни в коей мере не подразумевал, что вы среди ночи должны собирать насекомых. Скорее всего, как только он выздоровеет, принесёт в класс картинки или голограммы. Давайте спать, а? Роговиков в крайнем случае можно и утром собрать.

Я вновь опустила голову на подушку и шумно зевнула. Глаза слипались.

– Ну, ма-а-ам, картинки – это не прикольно. А утром они перестанут светиться, и их уже не найти в траве! Неужели ты не понима-а-аешь?! – Лотт снова потряс за плечо. – И вообще, мы поступили хорошо. Задумали дело – и пришли к тебе, а ты нас прогоняешь спать. Разве это справедливо?

– Они всего пару ночей в году светятся, сегодня как раз именно такая, – тихо добавил Ланс.

Понимала. Увы, я понимала, что Ланс и Лотт разбалованы так, что если я сейчас жёстко скажу «нет», то они обидятся и, вопреки запрету, пойдут ловить жуков в одиночку, а это опасно. И даже если я застукаю их за побегом из дома, наказать должным образом не смогу, а Морис всё это и вовсе подаст как «я-то не против, но ваша трусливая мать боится, не надо её расстраивать». Уж лучше всё проконтролировать самой... В конце концов, ночная прогулка в предгорье и ловля жуков – это куда как менее опасно, чем строительство и тестирование истребителя из черенков лопат или химический эксперимент по созданию самодельной бомбы в спальне. Да и совесть, если честно, грызла. День рождения близнецов вышел, скорее, очередной тусовкой для их отца, а Морис постоянно экономил на игрушках... Если уж они так хотят иметь этих жуков, то так и быть.

Тяжело вздохнув и понимая, что в этот раз выспаться не судьба, я села в кровати:

– Ладно, дети. Дайте мне пять минут, чтобы одеться, и выдвигаемся. На ловлю жуков отвожу ровно один час, а затем вы добровольно возвращаетесь домой в постель. Договорились?

– Да-а-а! Ура-а-а! – хором закричали эти двое сорванцов, и я не смогла не улыбнуться.

[4] Муассанит – драгоценный камень, который добывают на Цварге. ↑

Глава 7. Несчастный случай

Себастьян Касс

– Ты не подумай, что мы тебе не рады, но ты вроде как на неделю только собирался, а тут живёшь и живёшь, даже Гаскону велел перепарковать истребитель в тень, – сказал за обедом Стефан.

– Да лето жаркое, а у «Ястреба» большие иллюминаторы, воздух внутри быстро накаляется. – Себастьян передал дяде порцию макарон с креветками.

Повар в поместье Кассов была замечательная, но готовила только завтраки и ужины. Предполагалось, что все Кассы обедают вне поместья и возвращаются домой к закату. Ужин, как правило, сервировался прислугой в отдельном помещении-столовой. Не привыкший к обслуживающему персоналу Себастьян после школьных занятий тайком проник на кухню и буквально лоб в лоб встретился с обоими дядями.

– Эх, не была бы Рорина замужем, женился бы на ней! – внезапно с пафосом воскликнул Стефан, проглотив очередную креветку и зажмурившись от удовольствия. – Как у неё только получается такой восхитительный сливочный соус?

Софос внезапно хохотнул.

– Несмотря на то что она прилетела по визе «беллеза[5]» и у неё уже есть два сына? Что-то я не узнаю правильного брата-близнеца. Или тут суть в том, чтобы прикарманить её детей? Не, ну так-то ба с дедом только счастливы будут, что семейство Кассов пополняется, но я всегда думал, что ты хочешь родных наследников. Да и они тоже вроде как за чистоту крови и всё такое.

– Да пошутил я, разумеется, – вздохнул Стефан. – Понятное дело, что если она замужем, да ещё и дети – это табу. Просто еда Рорины – это нечто. Всякий раз, обедая у себя в офисе, думаю, как бы наврать подчинённым и тайком улизнуть в поместье. Сегодня вот получилось.

Он снова активно принялся с аппетитом наворачивать блюдо.

– По визе «беллеза»? Получается, она не цваргиня? – вставил Себастьян, прикидывая в уме, что, оказывается, ещё не у всех кого можно собрал кровь для исследований. Если у повара двое сыновей-цваргов от мужа, то кровь Рорины однозначно будет не лишней.

– Да, но она ларчанка, так что оба сына получились ярко выраженными полукровками, – добавил Софос.

Племянник задумчиво кивнул.

– Всё равно интересный случай, надо пообщаться.

– Слушай, Себастьян, а ты не увиливай от темы! – внезапно воскликнул Софос. – Ты на Цварге задержался и говоришь, что неизвестно насколько... Тебе понравилась последняя цваргиня? Признайся, ну! Решил попросить у неё ещё одно свидание? А ведь хорошенькая такая, как её зовут?

– Джун. Да, действительно, очень хорошенькая, из новой аристократии и всего двадцать пять лет. По идее, уговорить переехать на Юнисию не должно быть такой уж большой проблемой, – невозмутимо подтвердил Стефан.

– Мне показалось, что наш Себастьян стесняется извиниться за холодность и пригласить её на ещё одно свидание.

– Ага, я тоже так подумал. Судя по анкете, Джун нравятся тюльпаны, у нас их в саду много. Я послал уже от имени Себастьяна букет.

Касс-младший чуть не поперхнулся едой, потому что ни разу не называл дядям имён девушек, которые приглашали его на встречи.

– Вы что, рылись в анкетах?! – Его возмущению не было предела. – Эй, Стефан, Софос, вы вообще хорошо себя чувствуете? Вам сколько лет, чтобы объяснять, что так делать нельзя?!

Дяди переглянулись и синхронно пожали плечами.

– Нет, ну а что? Должны же мы позаботиться о единственном сыне нашего любимого младшего брата. Север и Вивьен далеко, а мы тут, рядом. Помогаем тебе выбирать.

«О-о-о...» – мысленно взвыл Себастьян Касс. Его отец-учёный и мать-юрист в этом плане являлись в высшей степени интеллигентными гуманоидами, которые никогда беспардонно не совали носы в личную жизнь сына. Про братьев отца Вивьен предупредила, что это они «сложные личности», но Себастьян и представить себе не мог, до какой степени.

Он сделал глубокий вдох, призывая себя к спокойствию. В конце концов, правила поведения на Цварге и Юнисии заметно отличаются, вероятно, поэтому между ними такое недопонимание.

– Спасибо за заботу, – медленно произнёс племянник. – Но нет, я остался на Цварге на неопределенный срок не из-за Джун. Она милая и приятная цваргиня, но после встречи мы поняли, что не подходим друг другу. Перед отлётом на Юнисию я хочу собрать как можно больше материала для исследований по проблеме рождаемости у цваргов, и Планетарная Лаборатория обещала помочь с данными, если я заменю школьного учителя биологии. Он слёг из-за бета-недостаточности, и отсюда неясные временные рамки моего пребывания на Цварге. Всё. Никакая Джун здесь ни при чём! И не надо слать никому букеты от моего имени, Стефан! Это понятно?

– Ладно-ладно, я всего лишь букет отослал. – Стефан примирительно поднял ладони. – Не психуй ты так, будто кротовая нора схлопнулась. Больше не буду. Передай ещё добавки, пожалуйста.

Стоило Себастьяну подняться из-за стола и отвернуться, как в спину донеслось:

– Мы поняли, что тебя только замужние дамы с детьми интересуют.

Гром среди ясного неба поразил бы профессора меньше, чем эта фраза.

Внезапный метеоритный дождь...

Стремительная лавина с гор...

... да любое буйство стихии не застало бы Касса-младшего врасплох так, как застала эта фраза.

Он так и замер, не зная, шагнуть ему вперёд, к плите, чтобы положить очередную порцию макарон с креветками, или развернуться и посмотреть на братьев отца. Толпа ледяных мурашек пробежалась по телу вдоль позвоночника до основания хвоста. После урока биологии у третьеклассников и встречи с матерью Ланса и Лотта он несколько часов тщетно уговаривал себя заняться делом и поработать.

Голова отказывалась нормально думать, всё буквально валилось из рук, числа не хотели сходиться, а статья коллеги казалась какой-то бессмыслицей. Всякий раз, когда Себастьян закрывал глаза, он видел тонкую фигурку Ориеллы Мэрриш с полной грудью, слышал её мелодичные горьковато-сладкие цветочные эмоции и мечтал коснуться коротких волос, как это делал ветер. Даже ночью возбуждённое подсознание подсунуло ему образ Ориеллы, словно она была единственным источником прекрасного в этой жизни.

И это её «как же хорошо-о-о-о...» у озера! Стоило вспомнить, как слова сорвались с мягких губ, во рту пересыхало, а кровь в жилах начинала течь быстрее. В мыслях Себастьяна крутилась болезненно-навязчивая идея заявиться на порог поместья Мэрриш в качестве школьного преподавателя и доброго соседа. Теперь-то у него были почти все основания якобы случайно напроситься в гости...

«И что ты сделаешь дальше?» – насмешливо фыркнул внутренний голос.

Себастьяну явно не мешало бы в профилактических целях побиться головой об стену за грязные мысли о чужой жене, но так отчаянно хотелось если не сжать, потереться и зарыться носом в волосы, то хотя бы просто побыть рядом и послушать аромат её эмоций.

Неужели после встречи с Ориеллой у него **настолько** всё написано на лице?!

Профессор астробиологии и межгалактической генетики медленно обернулся.

– Да-да, и желательно, чтобы у дамы детей было несколько, – подхватил эстафету издательств Стефан.

– И она вкусно готовила, но это опционально, – хохотнул Софос.

«Я понятия не имею, умеет ли Ориелла готовить», – рвались с губ Себастьяна слова, но он мужественно взял себя в руки и переспросил:

– Что?

Близнецы перевели на него искрящиеся смехом взгляды:

– Нет, ну а что? Ты как только слышишь, что у дамы есть дети, так бросаешься всеми правдами и неправдами знакомиться и брать кровь для опытов. Вон, даже нашу ларчанку Рорину вниманием не обошёл! Эй, Себастьян, выдыхай. Шутим мы так. Ты чего такой серьёзный-то?

– Ничего. – Себастьян поставил тарелку с едой на стол и помассировал гудящие виски. – Пойду, пожалуй, поработаю.

Весь вечер Касс-младший провёл в исследованиях крови тех цваргов, которые добровольно согласились поделиться биоматериалом. Куда бы Себастьян ни летал, везде с собой возил переносную мини-лабораторию, хотя «мини» она была только по сравнению с той гигантской, что ему выделил ректор Академии. Обычно молодому профессору астробиологии нравилось зарываться в работу, вычленять гены с мутациями, анализировать медицинские карты гуманоидов и сопоставлять карты ДНК представителей разных рас, но сегодня толком ничего не получилось сделать: насмешливые замечания дядей попали точно в цель.

Мысли нет-нет, но и съезжали в сторону одной прекрасной замужней цваргини. Как назло, в памяти отчётливо возникала их первая встреча у озера.

«Мне кажется, он уже давно ко мне ничего не испытывает».

Себастьян постарался переубедить её, даже не зная супруга, просто потому что это казалось правильным. К сожалению, позднее господин Мэрриш произвел на профессора неприятное впечатление. Он принялся отчитывать жену так, словно она нерадивая прислуга, а слух царапнуло обращение «мышка», обозначающее мелких невзрачных грызунов с длинным голым хвостом. Каким же слепцом надо быть, чтобы **такую** женщину назвать мышкой?

Если бы Себастьяна попросили сравнить Ориеллу с кем-то из мира животных, то он, не сомневаясь, ответил бы, что это самая грациозная и длинноногая лань, которую ему когда-либо приходилось встречать. Одни миниатюрные лодыжки в летних босоножках напоминали о хрупкости и незащитности цваргини. Плавная, полная достоинства, но при этом пугливая, стоило вспомнить, как торопливо она попрощалась с ним на заднем дворе школы. И тонкая шея с часто пульсирующей жилкой... такую бы целовать и целовать.

«Мы поняли, что тебя только замужние дамы с детьми интересуют», – набатом звучал голос дяди в голове.

– Да что ж за наваждение такое-то?! – сердито пробормотал Себастьян, ударив ладонью плашмя о столешницу. – Может, собраться и переехать в квартиру на южном полюсе? Там, по крайней мере, никто не станет рыться в документах и высылать букеты от моего лица.

«Тогда ты будешь далеко от Ориеллы», – резонно заметил внутренний голос.

Себастьян шумно выдохнул и мужественно принял решение не беспокоить соседку, но факт того, что до неё можно пешком добраться за каких-то полчаса, приятно грел душу и не давал сорваться на собственную жилплощадь.

Касс растёр лицо и с изумлением обнаружил, что за попытками чем-то себя занять и отвлечься наступил уже второй час ночи. Голова гудела от непристойных, но таких притягательных мыслей. Профессор решительно отложил все научные статьи в сторону, переоделся и отправился на пробежку в предгорье.

«Поддержу форму и засну быстрее», – сказал он мысленно, застёгивая спортивные кроссовки.

***Ночь была прекрасна: звёзды бриллиантовой крошкой усыпали чернильный небосклон, прохладный ветерок трепал волосы, затянутые в небрежный низкий хвост, пробирался под футболку и охлаждал разгоряченную от бега кожу. Себастьян специально выбрал маршрут посложнее с километровым перебросом, чтобы мышцы как следует потрудились.

Вверх по склону. Вниз. Вверх. Вниз.

Острые камни попадались то тут, то там, но благодаря правильной технике бега и постановке стопы, качественной трекинговой обуви и острому зрению, характерному для всех цваргов, он спокойно преодолевал расстояние. Ко всему, ночь выдалась явно особенной: жуки-роговики засияли тёплым оранжевым светом и закружились в брачных танцах. В полевой траве их было плохо видно, зато чуть выше, где растительность переходила в густой мох и редкие пучки вереска в трещинах между породой, жуки напоминали крохотные летающие огоньки.

Себастьян ловко перепрыгнул через внушительный серый валун и оказался на относительно плато: багульник здесь рос чуть выше колена. До озера оставалось метров пятьсот, не больше, но благоухание этого места так напомнило Юнисию, по которой он уже успел соскучиться, что мужчина стянул влажную от пота футболку, бросил на землю и растянулся прямо поверх, сунув травинку в рот.

Наконец-то тревоги улеглись.

«В ближайшее время надо будет провести ещё несколько лекций по биологии для младшеклассников, после чего получить контакты многодетных семей от Планетарной Лаборатории, и можно будет возвращаться домой. Интересно, корректно ли будет навеститься к Ориелле в поместье, чтобы попрощаться?»

Себастьян не придал значения тому, что аромат трав стал слаще. «Неудивительно, что мне теперь везде чудится сирень, раз я постоянно о думаю о цваргине. Надо как-то переключаться».

Стоило оформить последнюю мысль, как Касс с изумлением понял, что запах знакомых бета-волн ему не чудится. Он действительно есть. Где-то... поблизости.

«Я что, уже с ума схожу? Ориелла не стала бы гулять среди ночи в горах».

Касс приподнялся на локте, тряхнул головой, стараясь избавиться от наваждения, и в этот момент увидел три фигурки – одну высокую женскую и две поменьше – явно принадлежавшие детям. Мальчишки бежали, петляя словно метеориты в гравитационном колодце, а цваргиня старалась от них не отставать. Госпожа Мэрриш в этот раз была одета в мягкий домашний костюм из флисовых брюк и кофты, она время от времени опиралась на крупные камни, чтобы перевести дыхание, и отбрасывала лезущие в глаза непослушные короткие пряди.

Себастьян замер, не зная, что делать. Если он сейчас встанет с земли, то совершенно точно напугает троицу, да и выглядеть будет так, будто он занимается по меньшей мере преследованием. Но ведь он здесь оказался случайно!

– Мама, смотри, какого жирного я поймал! – весело прокричал один из мальчиков, потрясая в руке предметом: то ли прозрачной банкой, то ли пластиковой коробкой.

– Да-да, Ланс, отличный жук. Может, уже хватит для школы?

Ориелла пыталась догнать детей, но явно уступала детской неистощимой энергии.

– Не-е-е, я ещё хочу, они же разных оттенков...

– А у меня зато с самыми большими рогами! – вмешался второй мальчик.

– О, я тоже такого хочу!

– Там чем выше поднимаешься в гору, тем у них крупнее головы... а я жирных поищу в траве!

– Ланс, Лотт, пожалуйста, не разбегайтесь... Тут темно, можно подвернуть ногу! – с тревогой попросила Ориелла.

– Ой, мам, ну всё же прекрасно видно. Тем более жуки подсвечивают дорогу.

Себастьян затаил дыхание, наблюдая, как троица приблизилась и резко разделилась. Теперь он уже чувствовал эмоции всех троих – неподдельный восторг близнецов и усталость их матери – и был благодарен Вселенной за то, что никто из них не умеет читать бета-колебания. Ох, если его сейчас обнаружат в кустах... это будет фиаско.

«Уважаемый профессор в полуголом виде подсматривает за замужней дамой с детьми на ночной прогулке. Скандал выйдет похлеще, чем с той пожилой мадам, которая обвинила меня в домогательствах из-за прикосновения без спроса...» – мрачно подумал Себастьян.

Один из мальчишек направился в его сторону, но, к счастью, остановился метрах в двадцати, так что мужчина тихонько выдохнул. Шварх! Надо бы надеть футболку и отползти, но как это сделать незаметно? Он так отвлёкся на сына Ориеллы, что не сразу понял, из-за чего женщина внезапно побежала в сторону.

– Ланс, стой! Ланс, кому говорю, а ну слезь оттуда!

Несколько непозволительно долгих секунд у него ушло на то, чтобы рассмотреть в ночи фигурку мальчика, взгромоздившегося на опасный валун. Мальчик, не обращая внимания на крики матери, пытался поймать светящегося жука... Как в замедленной съёмке Себастьян видел, что обманчиво твёрдая порода под его левым ботинком превращается в крошку и восьмилетка падает, но при этом всё ещё с азартом пытается поймать насекомое... Высота небольшая, но он не успевает сгруппироваться, а торчащие из земли камни порой очень острые.

– А-а-а, больно-о-о! – завопил Ланс, оглушая поляну громкими рыданиями.

Ориелла подбежала к нему, но было уже поздно.

Орианн Мэрриш

Я понятия не имела, что делать. Ланс сел на попу и заорал так громко, что заложило уши, а сердце пропустило удар: кровь была повсюду. В висках бешено застучало. Вот же идиотка! Зачем только согласилась на затею близнецов?!

Сглотнув ком горечи, я присела на корточки, пытаюсь разобраться, что случилось. Откуда столько крови-то?!

– Ланс, хороший мой, где болит?

– Везде-е-е... – ещё оглушительнее разрыдался сын.

Сердце лихорадочно билось о рёбра, я инстинктивно потянулась к коммуникатору и замерла на секунду, отчаянно пытаюсь сообразить: как поступить? По-хорошему, надо вызвать дока на дом, но Ланса-то нужно ещё как-то донести до поместья. Это он выглядит маленьким, а, как все цварги, очень тяжёлый... Вызвать дока сюда на вертолёте? Ладно, это выйдет в астрономическую сумму, потом кредит возьмём – не впервой, но как объяснить, где мы?!

Из горла вырвался истерический всхлип, стоило представить, как я пытаюсь объяснить, что везде горы. Мы же даже от озера отошли, никаких ориентиров!

Сзади раздался шорох, и, подумав, что это Лотт, я громко крикнула:

– Стой, где стоишь!

– С вашего разрешения, я всё-таки предпочту осмотреть ребёнка и взять на руки. Вы же не донесёте его, – раздался уверенный голос.

И почти сразу же на корточки рядом присел Себастьян Касс с обнажённым торсом. Мужское бедро случайно коснулось моего, и через два слоя ткани я почувствовала чужое и обжигающе горячее тело. Мир на секунду-другую поплыл перед глазами.

«Это я так нервничаю, что начались галлюцинации?»

– Профессор Касс? – изумлённо протянул сын, опровергнув версию с глюками.

Мужчина сноровисто ощупал конечности, туловище и голову начавшего успокаиваться Ланса, особое внимание уделив наростам. Он действовал крайне быстро, откидывал от сына

какие-то невидимые кусочки... Его переплетённые венами руки мелькали перед глазами словно руки дирижёра.

– Так, осколки стеклянной тары я убрал, порезы заживут за несколько часов, ничего страшного. Основное пострадавшее место – нога. Мальчик неудачно стесал голень о камень, надо бы посмотреть, нет ли трещины или смещения кости, и обработать рану, – уверенно произнёс Себастьян. – Ты Ланс или Лотт?

– Ланс.

– Пойдёшь ко мне на руки? А то мама не справится. – Цварг кивком указал на меня и протянул руки.

Сын прикусил нижнюю губу, раздумывая, затем утёр слёзы и коротко бросил:

– Пойду.

Я уставилась на профессора астробиологии в полном ошеломлении от того, как быстро всё происходит. Мысли не успевали за происходящим. Как он здесь оказался? Откуда узнал, что мне нужна помощь? Почему в таком виде? Ну право, не следил же он за нами...

Касс подхватил Ланса на руки так, словно бы тот ничего не весил, и попросил сына крепко-крепко держаться за шею. Ланс сосредоточенно кивнул, хотя по перекошенному личику было заметно, что ему очень больно. Включив подсветку на коммуникаторе поярче, Себастьян аккуратно, но уверенно двинулся с ношей вниз с горы. Я опомнилась, схватила притихшего Лотта за руку и пошла вслед за мужчиной.

В голове всё ещё шумело из-за выплеснувшегося в кровь адреналина, а сердце барахлило, словно старенький моторчик. А если бы Себастьяна здесь не оказалось? А если бы валун был выше? Если бы Ланс упал вниз головой, а не ногой? А если бы?..

– А как вы?..

Связная речь на этом закончилась, но Касс, не оборачиваясь, ответил:

– Когда-то на Юнисии были сильные землетрясения, и поэтому курс первой помощи должны сдавать все проживающие на планете. Не переживайте, я уверен, что с Лансом всё будет в порядке. Он расплакался от испуга, но ногу проверить стоит.

– Я имею в виду, как вы здесь оказались? – Я наконец-то совладала с речевым аппаратом. – Ночь же... и вы...

Я шла за Себастьяном и смотрела на напряжённые мышцы крепкой спины. Свет от наручного коммуникатора цварга подсвечивал мужской силуэт: широкие плечи и узкая талия образовывали правильный перевёрнутый треугольник. Знакомые трикотажные штаны съехали вниз и открывали ямочки на поясице. Я понимала, что нельзя вот так глазеть на мужчину, это как минимум неприлично, но куда отвести взгляд – не имела понятия. Ко всему, Касс умудрялся ещё и срезать шипом, словно косой, траву там, где шёл, и поэтому разумнее было следовать как раз за ним, а не рядом.

– Ах, это... – Почудилось, будто Себастьян споткнулся. – Я вышел на ночную пробежку, а тут услышал крик Ланса и поспешил на помощь.

Хвост цварга срезал траву перед нами, но в этот раз немного кривовато.

– А... где ваша футболка?

«Вселенная, он несёт твоего сына, а ты допытываешься до его внешнего вида! Да если бы он даже явился полностью голым и признался в лунатизме, это всё равно было бы лучше отсутствия помощи!» – сердито одёрнула себя, но слова уже сорвались с губ.

– Забыл в траве.

Я невольно охнула, представив, какой выговор получила бы от Мориса, если бы по моей вине ему пришлось оставить одну из драгоценных брендовых вещей где-то на земле. Небо безоблачное, но погода летом на Цварге непредсказуемая, может и дождь пойти. А если Себастьян выставит счёт за испорченную футболку? Нестабильные атомы, да она же стоит наверняка как наше месячное питание!

– Наверное, надо вернуться... – неуверенно пробормотала, глядя в жилистую спину цварга, но он даже не сбавил шага.

– Потом, как будет время, вернусь и поищу. Ничего страшного. Нет таких вещей, которые бы стоили дороже, чем здоровье детей.

Некоторое время мы шли молча, а затем Ланс завозился на руках Себастьяна и протяжно застонал:

– Бо-о-ольно...

– Я знаю, – невозмутимо ответил Касс. – Я могу помочь, но мне кажется, что твоя нога болит не настолько сильно, чтобы вмешиваться в ментальный фон.

Ланс поёрзал и вместо очередного стоны умирающего лебедя вдруг деловито поинтересовался:

– А как помочь?

– У тебя задеты нервные окончания, они передают информацию в головной мозг, что тебе больно. Я могу на уровне бета-колебаний убедить твой организм, что никакой боли нет.

– То есть ты обманешь мой мозг?! – потрясённо переспросил сын.

Себастьян кивнул.

– Да, я это внушу с помощью резонаторов. Алгоритм похож на наведение эмоций, которое мы обсуждали на уроке, или на включение электромагнитного контура. Мне необходимо лишь сосредоточиться, создать и направить правильные бета-волны. Поскольку ты сейчас сидишь на руках, последнее будет совсем не сложно.

– Но ведь это, получается, будет обман... – прошептал мальчик и повернул голову, чтобы посмотреть на брата-близнеца.

Я прекрасно знала Эти Взгляды и всеми клетками чувствовала, что прямо сейчас происходит что-то неуловимое, но очень важное: близнецы принимают решение. Вроде бы Себастьян общался только с Лансом, но у меня возникло до зуда стойкое ощущение, что общаются все трое и речь о чём-то, чего я не могу понять, хотя разговор слышала с самого начала.

Лотт еле уловимо наклонил голову к правому плечу. Ланс тяжело вздохнул и перевел взгляд на Себастьяна:

– Спасибо, профессор Касс, но нога действительно болит уже не так сильно. Я потерплю.

Я так растерялась от ответа сына, будучи уверенной, что он попросит обезболить ногу, что и не заметила, как мы вышли к величественной усадьбе за высоким ажурным забором.

Периметр частной территории украшали парящие в воздухе энергетические шары-фонари, в рассеянном свете которых просматривался парк миниатюрных фонтанов и статуй, парковку занимали такие флаеры, что не все шильдики-то были мне известны, но главное – само здание! Даже не будь я архитектором, невозможно было не отметить искусную работу гения, создавшего это произведение искусства: стекло, металл и камень переплетались друг с другом, образуя причудливый танец материалов. Мощный фундамент, мраморные ступени, панорамные окна-стены, переходящие в прозрачную мансардную крышу, несколько широких террас с балконами, увитыми гроздьями цветущей глицинии.

«Должно быть, здесь живут по-настоящему состоятельные цварги, и стучаться, да ещё и среди ночи, к незнакомцам и просить о помощи – непозволительное свинство...»

– Мы вышли не на ту дорогу, – сказала я расстроенно. – Наш с Морисом дом в другой стороне.

– Нет-нет, всё верно, – заверил Себастьян, бодро останавливаясь перед современной автоматической системой распознавания гуманоидов на воротах. – Это мой дом.

Пока голубой луч биосканера захватывал его лицо, он нахмурился и добавил:

– Не в том смысле, что поместье принадлежит мне. У меня квартира в южном полушарии, но бабушка с дедушкой любят, когда я останавливаюсь здесь.

– Ясно, – ошеломлённо ответила я.

К счастью, от дальнейших расспросов спасли скрипнувшие, открывающиеся настежь ворота. Взгляду представились дизайнерская дорожка, выложенная разной величины плоскими камнями, фигурно подстриженные кусты и лента крошечных фонариков на солнечных батареях.

«Это не твои клумбы с тюльпанчиками и картошка в дальнем углу».

Не обращая ни на что внимания, Себастьян с Лансом на руках в несколько прыжков добрался до лестницы, буквально взлетел по ней и скрылся за тяжёлой входной дверью.

– Мам-мам, тут так круто-о-о! – Лотт подёргал меня за руку, выводя из состояния лёгкого транса. – А можно я вон на тех качелях покачаюсь?

– Что? Какие качели?

Я обернулась и посмотрела туда, куда тянул сын. За всем великолепием я умудрилась просмотреть подвесные диван-качели, спрятанные в шёлковом шатре, по цвету сливающимся с окружающей зеленью. Тот, кто устанавливал их в саду, определённо знал толк в комфорте: засыпать в тёплую летнюю ночь на природе, лежа на мягком матрасе и смотря на небо, – это изысканное удовольствие.

Крепче ухватив Лотта за руку, повела его в дом.

– Лотт, мы здесь ненадолго. Сейчас дока вызовем, он Ланса осмотрит, и мы сразу же отправимся домой. Понял? – Добавила чуть тише: – Только бы в этом доме никого не перебудить. Не уверена, что нам здесь будут рады.

– Ага, – с шумным тяжёлым вздохом отозвался сын.

[5] На планете очень мало женщин, а потому некоторые цварги, вместо того чтобы посещать райские сады на Тур-Рине, выписывают себе девушек для коротких отношений. Визы категории «беллеза» выдаются Аппаратом Управления в строго ограниченном количестве, и стоят они дорого. Это широко не афишируется. ↑

Глава 8. Кассы

Себастьян Касс

Благодаря резонаторам он чувствовал, что с Лансом всё в порядке, а вот испуг Ориеллы и её общее состояние тревожили. Всю дорогу до дома Себастьян тщетно ломал голову, как её утешить, и пришёл к выводу, что она сама успокоится, как поймёт, что с сыном всё в порядке. После того как вся четверка зашла на территорию поместья, Касс-младший рванул внутрь дома. Получилось не очень-то культурно, но Себастьяну остро требовалось убедиться, что все домашние спят. Ну или хотя бы оба дяди.

«Вселенная, смилостивись хоть раз в жизни, умоляю. Четвёртый час ночи, пожалуйста, пускай они спят...»

Видимо, Вселенная решила, что Себастьян исчерпал лимит везения на сегодня, так как стоило ему сделать несколько шагов, как он буквально влетел в – короткий взгляд на тапочки – Стефана.

– Ты что здесь делаешь?!

– Да вот, ходил на кухню воды попить, смотрю – охранка мигнула входящим гостем, я и задержался. А ты что делаешь? – Стеф зевнул и кивком указал на прикорнувшего на груди Ланса. – Решил пойти более простым путём и похитить ребёнка у женщины, чтобы она пришла за ним? Эффективно, должно быть. А футболку снял, чтобы сразу в койку затащить было проще?

Себастьян прикрыл глаза. Шварх, ну почему желание, чтобы дяди спали ночью, – невыполнимое для Вселенной?!

– Стеф, абсолютно не смешно. – Он поудобнее перехватил ношу на руках и принялся устраивать маленького пострадавшего на диване. – Недалеко от нас произошёл несчастный случай. Этот мальчик оступился, когда ловил жуков-роговиков. Пожалуйста, присмотри за ним. Я, по идее, все осколки вынул, и ранки уже должны начать затягиваться, но, может, что-то упустил? Сейчас за переносным рентгеном сбегать и вернуться. И да, его мама сейчас вот-вот зайдёт в дом. Пожалуйста, будь повежливее.

Стефан изумлённо выгнул бровь, но медленно кивнул, а племянник бросился со всех ног в свою комнату. Уже заворачивая за угол, он услышал голос дяди:

– Храбрый воин-скалолаз, как тебя зовут? А маму твою как?..

Лестница, коридор, поворот, коридор, заветная дверь. Секунды в голове тикали, словно Себастьян сам превратился в часы. Каждая терция ощущалась всей кожей.

«Вот сейчас Ориелла, наверное, заходит в прихожую...»

В домашней аптечке тоже был рентген, но личный аппарат профессора куда как более чувствительный. Чемодан, коробка, в ней ещё одна – на свет показалось устройство, отдалённо напоминающее лупу докосмической эпохи: круглый экран, закреплённый на алюминиевой ручке. Себастьян издал победный возглас и огляделся в поисках спрея-обеззараживателя и бинтов – обычно такие предметы цваргам не требуются, но для ребёнка лишним не будет. За медикаментами пришлось всё же сбегать в подсобку на третьем этаже, а заодно Касс-младший прихватил и чемоданчик с первой помощью.

«Всё, можно вниз», – подумал Себастьян и, бросив взгляд в зеркало, беззвучно выругался.

«Одно дело – показаться без футболки в горах на пробежке, другое дело – сознательно выйти из спальни с голым торсом. Нет, так никуда не годится», – констатировал внутренний голос, и мужчине пришлось с ним согласиться. Себастьян оставил всё на журнальном столике и пулей метнулся в гардеробную, надел первую попавшуюся рубашку и снова выругался, поняв,

что со спортивными штанами она смотрится не то чтобы неуместно, а вопиюще глупо. Ещё минута или две ушли на переодевание из трикотажных спортивных в приличные брюки.

Схватив все нужные предметы, молодой профессор астробиологии помчался обратно в центральную гостиную, но, кажется, Вселенная не то что его не услышала, а решила поиздеваться.

– ...где вы, говорите, живёте?

– Поместье Мэрриш находится недалеко от того места, где дети собирали жуков.

– А наш племянник, случаем, вас не преследует, нет? Вы моргните, если что.

– Нет, что вы! Если бы не его помощь, не представляю, как бы я справилась.

– Вы пейте-пейте, наша повар готовит исключительно вкусный ромашковый чай. Он должен успокаивать. А господин Мэрриш очень плохо себя чувствует? Ему уже более двухсот, да?

– Что? – Себастьян готов был поклясться, что нервзность Ориеллы возросла. – Почему вы так думаете? Он в расцвете сил и прекрасно себя чувствует.

– Может, он часто летает в командировки в другие Миры?

– Нет, он шо... специалист по логистическим операциям, но внутри атмосферы Цварга.

– А-а-а, вот оно что-о-о... А почему же вы тогда его не набрали?

– Как-то...

Профессор астробиологии стремительным шагом ворвался в гостиную именно тогда, когда двое наглых цваргов устроили гостье настоящий допрос с пристрастием, причём выглядели они... как довольные коты, обожравшиеся сметаной! Бледная напуганная Ориелла сидела под перекрестием взглядов обоих дядей, вжавшись в высокую спинку глубокого кресла. Мягкий велюровый костюм обнимал её тело и немного сбился, подчёркивая изумительную фигуру: соблазнительную грудь и тонкую талию. При всём «домашнем» виде женщина сидела с идеально прямой осанкой и гордо поднятой головой. Себастьян на миг залюбовался ею.

Гостья сжимала полную до краёв фарфоровую чашку, при этом костяшки пальцев посветлели от напряжения. Рядом с цваргиней на переносном столике красовалось сразу с десяток вазочек с разнообразным печеньем и мармеладками. Ни одну сладость госпожа Мэрриш не тронула.

«Вот же упрямые лоси!»

– Так, Стеф, ты Ланса осмотрел? – рявкнул Себастьян с порога, чтобы оттянуть внимание дядей на себя. – И где Лотт?

– У Ланса вся кожа чистая, стекла нет, ранки уже начали заживать. Регенерация отличная, – отрапортовал Стефан.

– Лотт сейчас с садовником, Гаскон обещал присмотреть за ним. Ему качели очень понравились, – добавил Софос.

Оба в домашних пижамах выжидающе покосились на Себастьяна, ожидая пояснения ситуации.

«Понятно, повара разбудили, садовника растолкали, всех на уши подняли, да ещё и Ориелле устроили допрос, хотя я этого вовсе не просил. Хорошо, что хотя бы бабушку с дедушкой не додумались разбудить... А вот ничего вы не узнаете», – сердито подумал племянник и демонстративно молча принялся осматривать ногу Ланса с помощью переносного рентгена.

На несколько минут в гостиной установилась тишина. Бета-колебания тревоги цваргини пронизывали пространство, и Себастьян надеялся, что дяди наконец-то вспомнили об ампутированной совести и больше не станут донимать гостью вопросами. Никаких смещений костей или трещин у Ланса, к счастью, не оказалось. Касс-младший обработал самую большую рану на ноге и наложил самофиксирующийся бинт, а уставший мальчик снова задремал. Стоило Себастьяну оторваться от пациента и сообщить, что всё обошлось, как дяди заговорщицки переглянулись и вновь хором обрушились на Ориеллу:

– Уже поздно. Может, вы переночуете у нас?

– Мне неудобно вас стеснять.

– Да какое стеснение, здесь спален свободных больше, чем у меня пальцев на руках и ногах! – в добродушной манере хохотнул Стефан.

– Боюсь, уже слишком рано... – попыталась отшутиться Ориелла, мельком взглянув на коммуникатор.

– Тем более, – поддержал брата Софос. – Сейчас велим подготовить вам комнаты, поспите вместе с детьми, а утром составите нам компанию за завтраком.

– Нет, спасибо. – Она отрицательно покачала головой и посмотрела в упор на Себастьяна. – Если вас не затруднит, вы не могли бы вызвать мне такси? Сейчас схожу в сад и верну Лотта.

– Зачем такси? Вы же рядом живёте, давайте я отвезу вас.

Сердце Касса отчаянно колотилось в ожидании ответа, но, памятуя о присутствии родственников, он приложил все силы, чтобы вопрос прозвучал максимально нейтрально. Да, ему до зуда в кончике хвоста хотелось провести немного времени наедине с этой женщиной... Скоро ему придётся улететь с этой планеты, и Ориелла станет лишь приятным воспоминанием. Неужели он не может хоть чуть-чуть ещё насладиться её смехом и ароматом эмоций? Неужели Вселенная будет настолько жестокой?

Госпожа Мэрриш обвела взглядом нахмурившихся Стефана и Софоса, а затем неуверенно кивнула.

– Да-да, конечно, вы можете нас отвезти. Давайте поступим так. К какому флаеру нам с Лоттом подойти?

Себастьян открыл рот, чтобы сказать «идите к Ястребу», но вспомнил, что истребитель внутри атмосферы достаточно ощутимо вибрирует, поскольку проектировался всё-таки как космический, а не воздушный транспорт. Лансу с его травмой будет наверняка не очень приятно. Софос опередил его со словами:

– Парковочное место номер шесть. Гаскон покажет. Попросите его заранее у кабрио-флаера разложить заднее сиденье.

Ориелла благодарно кивнула и быстрым шагом вышла из гостиной. Стоило входной двери закрыться, как Себастьян ощутил сошедшиеся над его резонаторами тучи. Оба дяди сложили руки на груди и сверлили его одинаково возмущёнными взглядами.

– Ну-с? Ничего не хочешь нам рассказать, дорогой племянничек? – наконец не выдержал Стефан.

«Дорогой племянничек» не хотел.

– Ничего сверх того, что вы и так уже знаете. Я бегал в горах, случайно встретился с ними, когда дети ловили жуков. Произошёл несчастный случай, я помог. **Всё.**

– Угу-у-у... И поэтому от тебя так фонит волнением, что через стену слышно? – подхватил Софос. – Она-то и дети, может, не чувствуют, но у нас резонаторы хорошо развиты. Итак, это, надо полагать, не первая встреча с госпожой Мэрриш?

«Дяди. Вдох-выдох, надо успокоиться».

– Что вы тогда так активно уговаривали её остаться у нас на ночь? – ответил Себастьян вопросом на вопрос. Признаваться в том, что это их третья встреча, совершенно не хотелось.

– Чтобы убедиться, что у неё всё серьёзно с её мужем, – на этот раз спор поддержал Стефан. – Ещё раз: она замужем, у неё дети от живого и здорового супруга. Она растерялась, но хочет вернуться к нему поскорее. Ты понимаешь, что ты в эту картину вообще не вписываешься? Себастьян, очнись, эта женщина не для тебя!

– О-о-о, бескрайний космос! – Племянник скрипнул зубами. – У нас с ней ничего нет! Неужели помочь цваргине в наше время – это уже преступление?! Я волновался исключительно из-за Ланса.

– Ну-ну, – фыркнул Стефан и привалился бедром к косяку в излюбленной небрежной позе, положив руки в карманы. – Ты только что признался, что искренне переживал из-за еёсына. Себастьян, ты понимаешь, что это **цваргиня**, а не девушка на один раз? Святые небеса, да если бы у меня была такая жена, я бы в жизни ни одному мужику и близко к ней приблизиться не дал! Обломал бы рога на подходе.

Фраза «если бы у меня была такая жена» неожиданно взбесила Касса-младшего, стоило только представить, что Ориелла могла заинтересоваться дядей.

– Именно потому, что я не разделяю женщин «на один раз» и других, у меня нет проблем со свиданиями. Поработай над собой, может, изменишься, и тебя тоже начнут замечать, – ответил он зло.

Стефан дёрнулся как от пощёчины, и Себастьян резко пожалел о своих словах. Дядя действительно комплексовал, что в его восемьдесят его звали всего на три свидания.

– Прости.

Цварг покачал рогатой головой:

– Нет, это ты нас прости. Мы тебя очень любим и действительно беспокоимся, вот и лезем не в своё дело.

Софос шумно вздохнул и помассировал пальцами виски.

– И как ты собираешься это проворачивать, Себастьян?

– Никак. Встречусь ещё раз, потому что её случай интересен для исследований о рождаемости цваргов, и улечу на Юнисию. Вам не о чем беспокоиться, честное слово.

«К сожалению», – добавил он мысленно и шагнул на выход, но Стефан остановил его хлопком по плечу.

– Что ещё? – буркнул Себастьян, не ожидая ничего хорошего.

– Если будешь прятать труп её мужа и потребуетсa помощь, всегда можешь на нас положиться.

Это задумывалось шуткой, но на дне глаз Стефа мелькнуло что-то такое, что вдоль спины профессора астробиологии в который раз за ночь пробежали мурашки. Говорят, в каждой смешной шутке есть доля правды, но когда в шутке всего лишь доля шутки, она становится пугающей.

– Я не сделаю ничего плохого господину Мэрришу, ты же меня знаешь. Даже думать об этом не хочу. И да, спасибо, что не стали будить бабушку с дедушкой.

– Пф-ф-ф, ну разумеется, мы всё расскажем им утром! – воскликнул дядя с таким азартом, что Кассу-младшему осталось лишь покачать головой.

– Эй, Себастьян!

– Что? – Молодой цварг сделал ещё один шаг к двери и думал, что неприятное ковыряние в его душе наконец-то закончено, как голос второго дяди заставил оглянуться.

– Лови!

Связка ключей мелькнула в воздухе, и если бы не годы тренировок в Академии, то Себастьян, вероятно, проморгал бы нужный момент.

– Прокати её с ветерком. Эта роскошная женщина заслуживает всего самого лучшего.

Орианн Мэрриш

Я так нервничала.

Софос и Стефан Кассы задавали светские вопросы, были обходительны и вежливы, разбудили ради меня повара и садовника, а я просто не знала, куда себя деть: пришла в чужой дом среди ночи, прошу помощи... Стефан осмотрел Ланса и сказал всё то же, что и Себастьян: стекло от банки порезало сына, отсюда кровь, но все порезы поверхностные и благодаря исконно цваргской регенерации уже начали затягиваться. Единственное тревожащее место –

голень, потому что приняла на себя весь вес мальчика при падении, но и она выглядит относительно неплохо.

Мужчины суетились, а услышав, что Лотту понравился диван-качели, безапелляционно вызвали по коммуникатору садовника и попросили сопроводить юного господина. Мелькнула мысль, что если у Ланса действительно что-то серьезное с ногой и осмотр окажется болезненным, то лучше, чтобы его брат был подальше в этот момент.

После того как Лотта забрал Гаскон, меня ещё раз уверили в том, что весь периметр поместья под охранной сигнализацией, затем светловолосая полноватая ларчанка вкатила столик со сладостями, а Кассы-старшие принялись задавать наводящие вопросы о нашей подозрительной ночной встрече с их племянником. Куда они клонят, я понимала, как и то, что они совершенно неправы. Себастьян Касс с самого начала показался интеллигентным и воспитанным цваргом, а уж после произошедшего и вовсе стал в моих глазах настоящим джентльменом.

«А наш племянник, случаем, вас не преследует, нет? Вы моргните, если что».

Эта фраза словно на повторе крутилась в голове, пока Себастьян перекладывал заснувших Лотта и Ланса на заднее сиденье флаера, молча заводил мотор и поднимал нас в воздух, пока перевитые венами мужские руки удивительно плавно вели машину.

Я смотрела на красивый профиль Касса в ночном свете звёзд и тусклой голубой подсветке флаера и думала о том, что это было бы смешно, если бы не было так грустно. Как выяснилось, Себастьян Касс – молодой профессор астробиологии, чистокровный цварг из очень древнего и состоятельного аристократического рода, обаятельный, улыбочивый и с потрясающим телом. Зачем ему какая-то цваргиня без образования, которая чувствует себя в душе глубокой старухой, да ещё и с довеском в виде двух детей от другого?

«Ну допустим, если он предложит стать его любовницей, то дети особого значения не имеют. Наоборот, удобно, ведь это отношения без обязательств, – пробурчал внутренний голос. – Ты определённо ему нравишься».

«Любовницей», – мысленно повторила.

Никогда не думала, что это слово можно применить по отношению к себе, и всегда считала его оскорбительным, но сейчас задумалась, что у слова «любовница» корень «любовь». И впервые за долгие годы мысли об интиме с мужчиной вызвали не рвотный позыв, а что-то тёплое, как разлившийся топлёный мёд в груди. Взгляд скользнул на губы цварга.

«Он, должно быть, фантастически целуется...»

Перед вылетом Себастьян ещё раз сбежал в дом и принёс огромный мягкий плед. Я хотела укрыть им близнецов, но мужчина заверил, что им и так хорошо и тепло.

– Это я принёс для вас, Ориелла. Я же чувствую, как вас на горе сковала паника и вы до сих пор внутренне дрожите.

Дрожь – это мягко сказано, меня бил крупный озноб, но брать чужую вещь казалось неправильным. Словно ощущая, что я готова отказаться, цварг добавил:

– Сделайте мне приятное, завернитесь в него.

Себастьян посмотрел в зеркала, переключил тумблеры и начал снижаться близ поместья Мэрриш. Всю поездку он был сосредоточен на дороге и ни разу не посмотрел в мою сторону.

Я строго себя одернула.

«Орианн, он помог тебе из вежливости! Такой мужчина, как Себастьян, помог бы любой женщине в сложной ситуации, и к тебе лично это не имеет толком никакого отношения! Более того, профессор Касс не станет заводить любовниц, он для этого слишком хорошо воспитан».

Флаер с еле уловимым толчком опустился на землю. Себастьян выключил двигатель, но остался сидеть на водительском сиденье, я тоже не стремилась покинуть уютное кресло. Цварг так ловко настроил климат-контроль, что, несмотря на откинутую крышу, тёплый воздух согревал ноги.

За всеми перипетиями забрезжили первые предрассветные сумерки, чернильное небо между гор окрасилось густым фиолетовым и малиновым цветом. Я мельком отметила, что окна в доме тёмные, то есть Морис спит беспробудным сном. Несмотря на то что в гостях у Кассов я настаивала на ночёвке у себя, вдруг навалилось ощущение потери. Пока ещё не ошеломительно ломающее своей безысходностью, а тонкое и пронзительно-острое, когда понимаешь, что вот-вот упустишь что-то важное, и никак не можешь этого изменить.

Больше всего на свете мне хотелось остаться со спящими детьми и Себастьяном в этом флаере и никуда не идти. Некоторое время мы помолчали. Я нехотя поправила плед, в котором пригласилась за короткую поездку.

– Ориелла, я тут подумал...

– Орианн, – внезапно исправила.

– Что? – Брови Себастьяна удивлённо приподнялись.

– Орианн. – Я повторила, грустно улыбувшись. – Я так вам лично и не представилась, большое упущение. Это настоящее имя, и мне хотелось бы, чтобы вы называли меня именно так, с ударением на первую букву. От «Ориеллы» возникает дурацкое ощущение, будто из меня все силы вытягивают.

– О-о-о... – в замешательстве протянул Себастьян. – Вам очень идёт, Орианн.

Он произнёс имя так звонко и чётко, что мурашки пробежали по коже. Определённо, имя Орианн могло принадлежать сильной и независимой женщине, в то время как от Ориеллы несло жалостью и бесхребетностью.

– Вы очень сильно переволновались этой ночью, Орианн. Не вините себя за случившееся, дети – это дети, а особенно мальчишки... Они постоянно падают с велосипедов, залезают на крыши и влезают во всё, что только можно и нельзя. Несмотря на ушиб Ланса, вы замечательная мать, и вам, кстати, тоже нужен отдых.

Бездонные синие глаза смотрели так внимательно, что я на несколько мгновений потеряла дар речи.

– Откуда вы знаете?

– Я чувствую по вашему бета-фону, что вы очень напряжены и устали, но усталость скорее накопительного характера. Отдых вам точно не помешал бы. Материнский труд – самый тяжёлый в мире. Он неоплачиваемый и неизмеримый, но при этом женщины годы жизни посвящают детям без выходных и отпусков. Ошибочно считать, что он ничего не стоит.

– Нет, я не об этом, – пробормотала всё так же ошеломлённо. То, что мне нужен отдых, можно было бы прочитать и по морщинам, и по состоянию кожи на руках, если к ней присмотреться. – Откуда вы знаете, что я... замечательная мать?

Свет от приборной панели скользил по его левой скуле, окрашивая кожу в чуть более светлый оттенок, и я поймала себя на том, что хочу дотронуться до его лица так же, как это делает свет.

Себастьян улыбулся краешком рта.

– Существуют женщины, которые не хотят иметь детей, но заводят их потому, что так предписывает общество. Многие из них беременеют и рожают, а потом чувствуют себя глубоко несчастными, будучи привязанными к ним как к якорю. Но вы, Орианн, не такая. Я вижу, как вы искренне переживаете за Ланса и Лотта, и немного завидую. Мне бы хотелось, чтобы моя будущая жена смотрела так на наших детей. – Себастьян подумал и с хитринкой во взгляде добавил: – В конце концов, не будь вы прекрасной матерью, то не поддались бы на уговоры близнецов отправиться за жуками-роговиками ни днём, ни тем более ночью. Вы же это сделали потому, что хотели их порадовать.

Я смотрела на Себастьяна и не знала, что ответить. Он сделал самый изысканный комплимент, который я когда-либо слышала в свой адрес. Предательские слёзы подступили к самому горлу. Касс смотрел на меня и видел насквозь... Он чувствовал мою усталость, но понимал

её корни. Он видел мою любовь к Лансу и Лотту. Слова пролились бальзамом на израненную душу, на вечные сомнения в себе, на многократные замечания Мориса о том, какая я никчёмная.

Ну почему десять лет назад Вселенная столкнула меня с Морисом, а не с Себастьяном?! Почему жизнь так несправедлива?

Водитель неожиданно отвернулся и побарабанил длинными тонкими пальцами по кожаной оплётке руля.

– Орианн, я хотел бы предложить вам...

Мои пальцы с силой сжали подлокотник пассажирского кресла, а в голове вихрем пронеслись все те мысли, которые я обдумывала в полёте. Что делать, если он предложит отблагодарить, став любовницей?! Судя по обрывкам разговоров приятелей Мориса и печальной демографической ситуации, цварги постоянно находятся в поиске женщин...

– ...встретиться.

– Чтобы что?

Я украдкой бросила взгляд на спящих на заднем сиденье мальчиков, которые, кажется, могут стать свидетелями того, о чём им знать пока рано. Внутри всё вновь натянулось словно металлическая струна.

Скулы Касса приобрели розовый оттенок.

– Я хотел бы расспросить вас и взять пробирку крови. Дело в том, что я провожу исследования о рождаемости, и мне необходимо составить как можно более объёмную выборку для работы. В первую очередь меня интересуют цваргини с детьми, а так как у вас двое сыновей, то это просто отлично. Как вы смотрите на встречу, скажем, утром, пока Ланс и Лотт в школе?

«Он хочет встретиться ради науки, а не за тем, о чём ты подумала...»

Воздух с шумом вырвался из лёгких. По идее, я должна была радоваться, что меня не просят ни о чём таком, что претило бы статусу порядочной замужней женщины, но на языке пеплом осело разочарование.

– Утром? – эхом отозвалась.

– Да, можно завтра, например, в десять. Дружеский завтрак. Как вы на это смотрите?

– Я не знаю...

– Пожалуйста, не отказывайте в такой малости. Я уже восемь лет занимаюсь исследованиями рождаемости на Цварге и, кажется, стою на пороге открытия.

Синие глаза засияли таким воодушевлением, какое сложно было бы симитировать. Слова явно были произнесены не чтобы покрасоваться – так говорят лишь тогда, когда искренне чем-то увлечены.

«Себастьян так помог тебе с Лансом, а ты даже не хочешь отблагодарить? Просит-то совсем немного и точно не позволит себе лишнего. Даже здесь и сейчас, когда у вас нет свидетелей, он ни разу тебя не коснулся. Чего ты боишься?»

Проблема заключалась в том, что мужчина мне нравился слишком сильно, и я боялась собственных пока ещё неясных чувств, которые совершенно точно появились к нему после этой ночи.

Себастьян смотрел с надеждой и не торопился с ответом. От него пахло потом, полевыми травами и чем-то древесным... На удивление запах совсем не отталкивал, наоборот, успокаивал.

– Хорошо, давайте. – Я вздохнула. – Только с одним условием.

– Каким?

– Вы мне ещё немного расскажете о Юниси. Даже не представляю, когда у меня ещё будет шанс послушать о волшебной планете с летающими в облаках островами из первых уст.

– Это не волшебство, а магнис с магнитным свойством, хотя в каком-то смысле магниты – это и есть волшебство. – Себастьян широко улыбнулся.

После того как мы договорились о встрече, я разбудила Лотта, а профессор Касс взял Ланса на руки и помог донести до дивана в гостиной. Себастьян не стал задерживаться, вместо этого он пожелал отдохнуть, интеллигентно попрощался и ушёл. Стоило входной двери закрыться за ночным спасителем, как послышался скрип лестницы. Морис, широко зевая, спускался по ступеням в шёлковом кимоно, затянутом на крупный несуразный узел на поясе под внушительным животом. Одежда, на мой вкус, мужу не шла совершенно, но это был подарок от его друзей, которым он страшно гордился.

– Мышка, ты где-то шлялась ночью? – Через открытое окно донёсся звук стартующего флаера Себастьяна. Морис нахмурился и добавил: – Да ещё и с кем-то?

– Я собирала с детьми жуков-роговиков, Ланс оступился на камнях и повредил ногу. По счастью, Себастьян Касс оказался неподалеку и помог доставить нас домой, – выдала я урезанную версию произошедших событий.

– Себастьян Касс... – Супруг свёл брови ещё сильнее. – Это тот оборванец у озера, что ли? Как он вообще тебя нашёл-то?

– Он, оказывается, наш сосед...

Я хотела добавить «и не оборванец вовсе», но Морис прервал громким фырканьем:

– Ой, сейчас в «соседи» пытаются набиться все кому не лень. Ниже по склону новая деревенька, дома еле-еле до двухэтажных дотягивают, прилегающий участок соток десять, но застройщик гордо именует их «шале». Тоже мне! Ещё и продают их, не смотря на внешность и родословную, того и гляди, скоро здесь будет шастать одно отребье.

Шварх меня дёрнул за язык: то ли сказала на рассудке полная тревоги и переживаний ночь, то ли на контрасте с заботой Себастьяна организм потребовал привычных унижений... не знаю. Но слова вырвались сами собой:

– Так я же тоже отребье! Не противно жить в одном доме?

Супруг резко изменился в лице, глаза сощурились, а на скулах заиграли желваки. Он быстро преодолел оставшиеся ступени, подлетел и всей своей огромной массой навис сверху.

– Не смей даже вспоминать своё происхождение! Да, я вывез тебя из эльфонийской грязи, но теперь ты чистокровная **цваргиня**. Ты не представляешь, сколько денег я потратил, чтобы ты такой стала. Поняла?! Поняла, я спрашиваю?! – зашипел он в лицо.

Его ноздри налились кровью, покраснели и заняли пол-лица. Неподдельная неприязнь к полукровкам буквально плескалась на дне карих глаз.

Было безумно страшно, но в то же время я вдруг почувствовала себя пьяной от кошунственной, но такой притягательной мысли... А что, если он меня ударит? Вселенная, да если муж ударит хоть ментально, хоть физически, я **смогу** подать на развод. Что такое открытая рана, синяки или даже длительная головная боль по сравнению с тем, что я смогу освободиться?! Сейчас идеальный момент!

Чувствуя, что ещё чуть-чуть, и вынужу Мориса применить силу, я добавила дров в топку его ненависти, тщательно подбирая слова:

– У Себастьяна мать – метис, и мир не рухнул от того, что он бескорыстно помог сегодня с Лансом. На мой взгляд, это поступок настоящего мужчины. Уверена, что, если я расскажу ему о происхождении, он ни разу не попрекнёт этим. – И добавила совсем уже шёпотом: – Да если бы меня хоть кто-нибудь спросил, от кого я хочу иметь дочь, от тебя или него, то я не задумываясь ответила бы – от него. Да хоть от миттара, хоть от ларка, но только не от тебя!

Я видела по взгляду, что он вот-вот ударит.

Он замахнулся. Мощный хвост с шипом прочертил борозду в ковре, задел ножку стола, с жалобным «дзынь» упала стеклянная вазочка. Рядом раздался удивленно-испуганный вскрик:

– Пап, ты же не ударишь маму, верно? Нам в школе говорили, что девочки – это сокровище нации! А мама – девочка.

Я на миг прикрыла ресницы. Единственный шанс освободиться рассыпался на осколки, как декоративная вазочка мгновениями раньше. Ланс проснулся и всё услышал...

Понимание в глазах Мориса проступило столь явственно, что тут не надо было быть цваргом, чтобы понять: он всё осознал. И мой замысел, и фразу, которую я бросила, чтобы его позлить ещё больше, и зачем это сделала. Кривая ухмылка проступила на пухлых губах.

– Разумеется, нет. Я был настолько неаккуратен, что случайно задел столик. Иди, Ланс, в свою комнату.

– Пап, но у меня нога болит...

– Иди!

Немного неаккуратно сын поднялся с дивана и, прихрамывая, заковылял прочь из комнаты. Я с внутренним облегчением отметила, что, несмотря на порванную одежду, многочисленные ранки уже затянулись. Как только дверь закрылась за сыном, Морис произнёс тихо, но чётко:

– Я никогда тебе не дам развод, Ориелла. Бросай эти влажные мечты и занимайся хозяйством. Сегодня вечером придут друзья, и дом должен блестеть от чистоты, а на ужин я хочу минимум три перемены блюд. И пруд на заднем дворе почисти, он начинает зарастать ряской.

– А если не буду? – с вызовом спросила я.

– А если не будешь, то я буду тебя трахать так часто, пока ты вновь не забеременеешь, – ответил супруг, ухмыльнувшись и сальным взглядом заглядывая в вырез кофты. – В конце концов, если женщина беременна, то у неё возникает уважительная причина не заниматься физической работой. Да и все эти мысли о разводе наконец выветрятся из головы, а с рождением дочери мы получим увеличенную родительскую дотацию от Аппарата Управления. Одни плюсы!

– Ты не посмеешь взять меня силой... – прошептала я.

– А кто говорит о силе? Жена должна отдавать супругу долг хотя бы два раз в месяц, это преподается в ваших школах для истинных леди, я это точно знаю. И поверь: держать так, чтобы на тебе не осталось синяков, я тоже смогу. В конце концов, у меня на одну конечность больше.

Он взмахнул хвостом, показывая, что при желании может с лёгкостью связать руки. Меня замутило от одной лишь мысли, что я могу вновь забеременеть от Мориса. Я резко шарахнулась в сторону.

– Я же тебе **воняю!**

– Я что-нибудь придумаю, – оскалился Морис. – Так что будь хорошей мышкой и переставай меня злить.

Глава 9. Дружеский з

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.